

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю.П. Зарецкий

**МОЖНО ЛИ БЫЛО КУПИТЬ
«ГРАДУС» ДОКТОРА В XVIII ВЕКЕ?**

Препринт WP19/2015/01

Серия WP19

Исторические исследования

Москва
2015

УДК 378.09
ББК 74.58
334

Редактор серии WP19
«Исторические исследования»
А.Б. Каменский

334

Зарецкий, Ю. П.

Можно ли было купить «градус» доктора в XVIII веке? : препринт WP19/2015/01 [Текст] / Ю. П. Зарецкий ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 56 с. – 150 экз.

В документах и материалах по ранней истории Московского университета содержится немало загадок, на которые сегодня не просто найти ответы. К этим загадкам относится и вопрос о порядке присуждения ученых степеней. Неужели они тогда были предметом купли-продажи? В работе предпринята попытка найти ответ на этот вопрос путем выяснения смысловых границ и историко-культурного содержания понятия «ученая степень» в Европе раннего Нового времени. Каков был социальный статус обладателя докторской степени? Что представляла собой процедура ее присуждения? Какую роль в этой процедуре играла диссертация?

УДК 378.09
ББК 74.58

Препринт подготовлен в ходе исследования в рамках «Программы Научного фонда Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” в 2015–2016 гг.» (проект № 15-01-0072) с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Зарецкий Ю. П., 2015
© Оформление. Изд. дом
Высшей школы экономики, 2015

Смыслами я называю *ответы* на вопросы.
То, что ни на какой вопрос не отвечает,
лишено для нас смысла.

М.М. Бахтин

Несколько лет назад, пытаясь разобраться в перипетиях скандала, связанного с увольнением и последующим восстановлением в должности одного из первых профессоров Московского университета Филиппа Генриха Дильтея (1723–1781)¹, я столкнулся с несколькими загадками, так или иначе связанными с порядком присуждения ученых степеней в восемнадцатом столетии. Попытки разгадать их стали отправной точкой для моих дальнейших разысканий – не только выявления новых документов, но и поиска «правильных» вопросов, которые можно было бы им задать (Часть I). Вскоре стало ясно, что найти ответы невозможно без выяснения смысловых границ и историко-культурного содержания понятия «ученая степень» в Европе раннего Нового времени, включавшего в себя статус ее обладателя, процедуру присуждения, роль диссертации, и вообще специфику научного знания того времени (Часть II). Такой подход позволил обнаружить существенное отличие докторских и магистерских степеней XVII–XVIII веков от сегодняшних ученых степеней, что, в свою очередь, дало возможность прояснить те «темные места» в документах, которые казались загадочными. Во всяком случае, на некоторые из вопросов, которые я задавал себе вначале, ответы все же нашлись (Часть III).

1. Вопросы

1.1. «Градус» доктора права заочно?

В начале 1764 года, решив избавиться от неудобного профессора, куратор Московского университета Василий Евдокимович Адодуров стал

¹ См. об этой истории: *Зарецкий Ю.П.* Как профессор Филипп Дильтей отстоял свою правду (Случай из ранней истории Московского университета) // Новое литературное обозрение. 2015. Т. 191. № 1. С. 142–166. Первоначальная более полная версия: <http://www.hse.ru/data/2014/12/16/1103410669/WP19_2014_01_F.pdf>.

тайно подыскивать ему замену. За помощью он обратился к своему давнему знакомому, конференц-секретарю Академии наук Герхарду Фридриху Миллеру (когда-то бывшему его учителем в Академической гимназии). В просьбе Адодурова не было ничего экстраординарного: академик Миллер, как хорошо известно, выполнял тогда роль посредника между немецким и российским учеными сообществами, и именно через него в Московский университет приглашалось большинство профессоров.

12 февраля 1764 года Адодуров пишет Миллеру письмо, в котором объясняет необходимость замены доктора обоих прав, профессора права и истории Филиппа Генриха Дильтея истечением срока его контракта. Он извиняется за то, что не может сразу предложить его будущему преемнику жалование сверх обычного, но намекает, что в дальнейшем ему можно будет рассчитывать на прибавку, а также на дополнительные источники дохода:

А как н[ы]не его контракт уже кончился, то б я желал на его место для юриспруденции иметь другаго способнаго Профессора. Жалование у нас по штату положено хотя и не больше 500 ру[блей] в год, но как н[ы]не сочиняется новый штат, то может оное впредь, ежели на то будет Высочайшее соизволение Ея Императорскаго Величества, по усмотрению прилежания и искусства и прибавлено быть; к тому ж содержание пансионеров и приватное обучение также несколько могут способствовать. Вы Г[о]с[у]д[а]рь мой зделаете мне чувствительное одолжение, ежели на его место можете ково рекомендовать, или покажете способ откуда такого выписать. Я столько на в[а]шу ко мне бл[а]госклонность надежен, что ласкаю себя неукоснительно о том и уведомление от вас получить².

С поиском замены Дильтею Адодуров явно спешил. Уже через неделю, не дождавшись скорого ответа, он повторяет свою просьбу³, а 8 марта напоминает о ней еще раз⁴. Наконец, Миллер отвечает: он рекомендует ему некоего Карла Генриха Лангера, как и сам Миллер, проживавшего в то время в Санкт-Петербурге. Трудно сказать, насколько хорошо академик знал рекомендуемого и почему его выбор пал именно на него. Впрочем, Адодурова эти вопросы не слишком интересовали: авторитет академика был для него неоспорим. К тому же скоро начинался новый

² РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера. П 546. Ч. 1), оп. 2, ед. хр. 1 (Письма от сенатора, действ. тайн. Советника Адодурова 1760–1770 гг.). Л. 126 об.

³ Там же. Л. 127.

⁴ Там же. Л. 128.

учебный год, и вакансию профессора права, занимавшую первую позицию в университетской профессорской иерархии, нужно было обязательно закрыть.

И вот 15 июля Адодуров уже докладывает Миллеру о том, что принял Лангера – причем заочно, не будучи с ним знаком и не имея представления ни о его биографии, ни о его научных заслугах. И он снова извиняется, что не может сразу предложить новому профессору большее, чем у его коллег содержание, и снова напоминает о возможности прибавки в будущем. Он также предлагает, чтобы Лангер сам определил срок своего контракта (обычно контракт составлял 3 или 5 лет):

Господина Лангера по вашей рекомендации я принял в университет, сделал охотно, как профессора юриспруденции с жалованьем в год по пятисот рублей; во усмотрении в его прилежания, способности и плода, будет оно ему конечно и прибавлено, что и в заключаемой с ним контракт для большего его в том обнадеживания внести можно. Больше невозможно мне ему теперь назначить потому, что и остальные прочие господа профессора от Его Превосходительства Господина Куратора Ивана Ивановича приниманы на таком же положении, а не больше. Чего ради вас, Государь мой, прошу о том ему господину Лангеру объявляя меня по благосклонности Вашей не замедля уведомить, и на сколько лет пожелает он заключить контракт...⁵

Он также просит Миллера сообщить подробности академической карьеры нового профессора, а самого Лангера – предоставить свои научные труды. Можно предположить, что эта просьба поставила Миллера в неловкое положение (как потом выяснилось, Лангер не имел ни печатных работ, ни ученых степеней). Впрочем, из письма следует, что в то время у Адодурова никаких сомнений относительно соответствия квалификации Лангера занимаемой должности не было:

...А между тем прошу мне дать знать, где и как производил он свои науки, какой в оных получил градус, и с обыкновенными ли о том диссертациями и диспутациями, и буде оные, как и сомневаться не должно, напечатаны, то чтоб и увидеть один экземпляр, також и кроме того есть ли какия его публичные сочинения⁶.

⁵ Там же. Л. 139–139 об.

⁶ Там же. Л. 139 об.

Четыре месяца спустя, 22 ноября 1764 года, так и не получив никакого документального подтверждения научных заслуг Лангера, Адодуров, тем не менее, докладывал в ответ на запрос статс-секретаря Григория Николаевича Теплова об обстоятельствах зачисления нового профессора на службу, что оно произошло в соответствии с установленным порядком и послужило ко благу университета (об отсутствии у Лангера ученых степеней и публикаций он, однако, умолчал). Адодуров извещал Теплова, что им было решено «с общаго всех Профессоров согласия и по учиненному в полном присутствии всего Университета в большой аудитории опыту определить Профессором Юриспруденции Господина Лангера, с которым и контракт формальной заключен»⁷. Говорилось также, что новый профессор превосходно справляется со своими обязанностями: «юридическая лекции отправляет с изрядным успехом, имея у себя студентов четырнатцать человек»⁸.

Здесь необходимо несколько забежать вперед. Почти год спустя, в связи с запросом комиссии Сената, рассматривавшей дело об увольнении Дильтея, обстоятельства принятия на профессорскую должность Лангера стали предметом публичного разбирательства, и это разбирательство выявило, что порядок зачисления нового профессора был соблюден далеко не безупречно. В протоколе заседания университетской Конференции от 29 октября 1765 года (Адодуров на нем отсутствовал)⁹ в ответ на запрос комиссии сообщалось, что поддержка кандидатуры Лангера ученым собранием, о которой Адодуров сообщал в письме Теплову, носила условный характер, «поскольку прием как профессоров, так и преподавателей с самого основания университета зависел от высокопревосходительных господ кураторов университета и ими производился»¹⁰. Согласие же Конференции с этим назначением, требовавшееся для подтверждения профессиональной компетентности Лангера, опиралось в первую очередь на успешно прочитанные им пробные лекции, но отнюдь не на документы об ученых «градусах», каковых предоставлено так и не было. А также на довольно неопределенные сведения об

⁷ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 42 («О ссорах профессора Ф.Г. Дильтея с куратором В.Е. Адодуровым»). Л. 4 об.

⁸ Там же.

⁹ Присутствующие: директор Херасков и профессора: Керштенс, Барсов, Рост, Шаден, Лангер, Эразмус (Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / подг. к печ., комм. Н.А. Пенчко. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 1962. С. 192).

¹⁰ Там же. С. 193.

образовании кандидата и его желание занять профессорскую должность, о чем Лангер сообщил в устной форме, да еще на упоминание о каких-то «доказательствах его способности», которые он «частично представил... г. куратору до своего поступления»:

...Но, однако, г. проф. Лангер в Конференции объявил, что он занимался науками в Гейдельберге и Иене, затем предпринял некоторые путешествия, а в 1759 году принял приглашение в Петербург, обучать там одного молодого человека наукам, и в этом городе пробыл пять лет. Когда же он возымел намерение отправиться в Киль для занятия в тамошнем университете должности экстраординарного профессора, которая была ему обещана его превосходительством т[айным] с[оветником] бароном де Сальдерн, то ему сделал предложение г. колл[ежский] сов[етник] и профессор Миллер, не желает ли он занять место в Московском университете, относительно чего он получил вскоре после этого письменное приглашение от его превосходительства г. куратора Адодурова.

Что касается доказательств его способности, то он частично представил такие доказательства г. куратору до своего поступления, частично же и Конференция университета может к этому присовокупить, что при принятии г. проф. Лангера все происходило так же, как обычно бывает при принятии других профессоров, а именно: он прочитал публично в присутствии его превосходительства г. куратора и всех профессоров и студентов пробные лекции на данные ему за несколько дней темы из естественного и гражданского права, и Конференция, одоблив их, при г. кураторе вынесла решение, что г. проф. Лангер способен исправлять должность профессора права при университете, каковую он, насколько известно Конференции, до сих пор добросовестно и прилежно исправлял¹¹.

То есть разбирательство не выявило никаких документов, подтверждающих научные заслуги Лангера до его принятия на должность. Одобрения Конференцией его назначения носило, таким образом, формальный характер – так сложилось, что при найме новых профессоров ее члены играли роль статистов. Нужно, однако, добавить, что несмотря на отсутствие ученых «градусов» и опубликованных работ, Лангер быстро и вполне успешно интегрировался в университетскую жизнь: в 1765 году получил прибавку в 100 рублей за секретарство в Конференции¹², а спустя некоторое время и самолично присвоил себе звание «обоих прав доктора». Так, в каталоге лекций на 1772–1773 учебный год он значится как

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 39.

«обоих прав Доктор, права Естественного, народного и Политики публичный и ординарный Профессор»¹³. Что касается научных достижений Лангера в период службы в университете, то за десять лет он оставил после себя всего четыре латинские речи¹⁴.

Вернемся, однако, к переписке Адодурова с Миллером лета 1764 года. Узнав, что преемник Дильтея необходимой квалификацией не обладает (для профессоров права и медицины докторская степень считалась тогда обязательной), Адодуров пытается найти выход из создавшегося положения. В письме академику от 29 июля он высказывает неожиданное желание, чтобы Лангер нашел возможность получить степень доктора права... заочно! Этот фрагмент письма стоит того, чтобы прочесть его особенно внимательно, обращая внимание на слова, выделенные мною курсивом:

... Мне весьма будет приятно, если он, Господин Лангер, почтится *хотя заочно получить градус доктора юриспруденции*.

Дальше Адодуров аргументирует свое предложение:

Причиною моего того желания во-первых, высочайшее *Ея Императорскаго Величества соизволение, чтоб впредь для штатской службы иметь знающих юриспруденцию*, и вследствие того как при Кадетском Корпусе и здесь при Университете учредить план российской юриспруденции; а при том, что и он *Лангер имеет определен быть в той науке, Профессором на место Господина Дильтея, которой градус доктора юриспруденции действительно имеет*, а отсюда увольняется по причине окончания его контракта и других обстоятельств¹⁵.

¹³ Объявления о публичных лекциях, преподаваемых в Императорском Московском университете от 1 августа 1772 по 26 июня 1773. М.: Императорский Московский университет, 1772. См. также: Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под ред. А.Ю. Андреева и С.И. Посохова. М.: РОССПЭН, 2012. С. 347.

¹⁴ Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Ч. 1. М.: Унив. Тип., 1855. С. 447 (биография Лангера составлена В.Н. Лешковым). См. новое издание одной из его речей: *Лангер К.Г.* О пределах и важнейших представителях политической науки = *De ambitu et praecipuis doctrinae politicae scriptoribus*: торжественное слово по случаю празднования рождения Августейшей и Могущественной Всероссийской императрицы и самодержицы Екатерины II Великой, 1771 г. апреля 22 дня. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011.

¹⁵ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 141 (курсив мой. – Ю. З.).

Тут все понятно: и ссылка на заботу императрицы о положении правовой науки в России (Екатерина II не раз проявляла заинтересованное внимание к ее развитию), и требование наличия у профессоров ученых степеней и публикаций, которое к тому времени уже существовало в некоторых немецких университетах¹⁶. Понятно и желание Адодурова, чтобы новый профессор не уступал по своим научным заслугам уволенному, – это могло вызвать как ненужные вопросы Теплова, так и недовольство других профессоров.

Но где, в каком университете, мог Лангер мог получить «градус» доктора права? Дело в том, что в России того времени докторские степени ни по одной дисциплине не присваивались. Академия наук присуждала только степень магистра философии, да и то не имея для этого установленной процедуры¹⁷. Адресованное в 1759 году императрице Елизавете Петровне предложение М.В. Ломоносова, «чтобы [Академический] университет имел власть производить в градусы высочайшим монаршеским именем»¹⁸, не получило ее поддержки. Так же, как и второе, более развернутое, подготовленное им же в конце 1764 – начале 1765 годов – уже для Екатерины II¹⁹.

Что касается Московского университета, то о порядке присвоения «градусов» в проекте его устава 1755 года ничего не говорилось, и в течение десяти последующих лет никаких регламентов в этом отношении принято не было²⁰. Правда, отдельные попытки получить или присудить докторские степени безо всяких регламентов и традиций все же пред-

¹⁶ В 1749 году правительство Пруссии издало распоряжение, согласно которому все кандидаты на профессорские должности были обязаны иметь публикации (на практике чаще всего это были их диссертации) (*Chang K. From Oral Disputation to Written Text: the Transformation of the Dissertation in Early Modern Europe // History of universities. Vol. 19/2. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 158*).

¹⁷ *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи. М.: Институт российской истории РАН, 1994. С. 12.

¹⁸ *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 9: Служебные документы. 1742–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 539.

¹⁹ Ломоносов предлагал записать в новый проект привилегии Академии Наук: «б. Дозволяем и повелеваем нашей Академии и Университету производить нашим именем и указом всех достойных студентов в ученые градусы по примеру европейскому, то есть в юридическом и медицинском факультете в лиценциаты и в докторы, а в философском – в магистры и докторы...» (Там же. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734 – 1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 162–163).

²⁰ Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. С. 338–356; *Феофанов А.М.* Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. М., 2011. С. 131–137.

принимались, но они не имели успеха. Известно, что в 1767 году студент Федоров и бакалавр Гвоздиковский, ссылаясь «на пример иностранных университетов», обратились в Конференцию с просьбой удостоить их «докторского чина» (одного по философии, другого по праву) за их труды в Комиссии по составлению нового уложения. Но это прошение осталось без удовлетворения²¹. Известно также, что в 1769 году директор университета Михаил Матвеевич Херасков настойчиво предлагал Адодурову произвести в доктора медицины студента Сибирского «по его похвальным успехам и поведением», однако получил на свою просьбу уклончивый ответ: «Но как о даче таковым обучившимся при университете студентам вышних академических градусов в апробированном о университете проекте точного повеления нет, то представлено будет о том Е. И. В. всеподданнейшим моим докладом, и когда на оное высочайшая Е. И. В. конфирмация воспоследует, то... он обыкновенным при университете порядком докторское достоинство получит...»²². Впрочем, в следующем году протеже Хераскова держал экзамен, и ему была присвоена промежуточная степень кандидата²³.

Правда, с 1764 г. получить «градус» доктора в России все-таки стало возможно, но только по медицине, и не в академии или университете, а в Медицинской коллегии – предшественнице министерства здравоохранения. Указом от 9 июня 1764 года Екатерина II жаловала привилегию «Коллегии медицинской по собственным ее экзаменам всех обучившихся сей науке производить в докторы медицины»²⁴. Что касается университета, то право присуждать докторские степени было предоставлено ему только в 1791 году указом «О предоставлении Московскому Университету права давать Докторскую степень обучившимся в оном врачебной науке»²⁵. А узаконение присуждения докторских степеней по праву он получил только в следующем столетии, в ходе образовательных реформ Александра I²⁶. Значит, прося Миллера о содействии в получении Лан-

²¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / подг. к печ., комм. Н.А. Пенчко. Т. 3. М.: Изд-во МГУ, 1963. С. 79.

²² Там же. С. 242.

²³ Там же. С. 381–382, 396.

²⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI (ПСЗРИ I). СПб., 1830. С. 795 (№ 12.179).

²⁵ ПСЗРИ. Т. XXIII. СПб., 1830. С. 256 (№ 16.988).

²⁶ О ранней истории присуждения ученых степеней в России см. новые исследования: Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Об ученых степенях, и о том, как диссертация в России обрела научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013.

гером докторского «градуса», Адодуров имел в виду какой-то европейский университет? И на какого рода содействие он рассчитывал? Наконец, неужели тогдашние университеты присуждали докторские степени заочно?

1.2. Бессовестный обман?

Вопросы, связанные с практикой присуждения докторских степеней, возникли у меня и при знакомстве с обстоятельствами приема на службу предшественника Лангера – профессора Дильтея, в частности, при чтении переписки Дильтея с Миллером и последнего с Антоном Фридрихом Бюшингом, известным богословом и географом, в то время экстраординарным профессором Геттингенского университета²⁷. Из чтения этих писем сложился сюжет другой истории, не менее загадочной.

В конце 1755 года доктор Дильтей, ожидая освобождения места профессора в Венском университете, зарабатывал на жизнь тем, что исполнял обязанности наставника (Moderator) молодого графа Франца Антона из знатного австрийского рода фон Кевенхюллеров цу Айхельберг. Прибыв в декабре 1755 года со своим подопечным в Геттинген, он знакомится с Бюшингом, к которому Миллер еще раньше не раз обращался с просьбой подыскать кандидатов на профессорские должности в Московский университет²⁸. Кандидатура Дильтея показалась Бюшингу вполне подходящей, и 21 января 1756 года он сообщил об этом Миллеру.

В письме он дает своему новому знакомому обстоятельную и в высшей степени положительную характеристику: «... человек много повидавший и опытный, католического вероисповедания, однако совсем не сектант, а, напротив, муж честных правил. [...] Он, собственно... юрист,

Т. 122. № 4. С. 84–107; Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / ред. А.Ю. Андреев, С. Посохов. М.: РОССПЭН, 2012. С. 326–388; *Ilna K.A., Wiszlenkova E.A.* On the Origin of Russian Academic Degrees (First Half of the Nineteenth Century) // *Rozprawy z Dziejów Oświaty*. 2013. Vol. L. P. 81–96; *Ilna K.A.* Academic Luck: General and Specific Scenarios of Academic Attestation in Russia in the 1830s (December 18, 2014). Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 81/HUM/2014. Available at SSRN: <<http://ssrn.com/abstract=2539999> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2539999>>.

²⁷ См. о нем: *Бюшинг А.-Ф.* [Автобиография] / излож., отрывки А.Г. Брикнера // *Исторический вестник*, 1886. Т. 25. № 7. С. 5–26.

²⁸ См. переписку Бюшинга и Миллера по этому поводу: *История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века): сборник документов. Т. 2: 1756 / сост., вступ. статьи и прим. Д.Н. Костышина. М.: Academia, 2011. С. 26–28, 43–44, 93–94, 111–112, 126–127.*

но может обучать также естественному праву и истории»²⁹. Среди достоинств кандидата Бюшинг указывает также на его исключительные языковые познания: «...он отменно говорит и пишет по-латыни и по-гречески, может писать и говорить на французском и итальянском языках, понимает и по-английски, немного по-славонски, не говоря уже о немецком, его родном языке...»³⁰. К этому геттингенский профессор прибавляет ссылку на две научные заслуги соискателя. Одна из них – опубликованный ранее «инаугурационный диспут» Дильтея (имеется в виду его докторская диссертация, защищенная в 1753 году). Вторая, по мнению Бюшинга, состояла в том, что он – дальше читаем особенно внимательно – «написал... месяц назад *от имени юного графа Кевенхюллера* (курсив мой. – Ю. З.) диспут, толкующий *de rege Romanorum*»³¹.

Как это «от имени»? Неужели речь идет о диссертации, написанной «на заказ»? И, если это так, то почему Бюшинг ставит ее написание в заслугу Дильтея? Можно, конечно, предположить, что в частной переписке геттингенский профессор тайно уведомлял Санкт-Петербургского коллегу о подлинном авторстве «инаугурационного диспута». Однако письмо это было вовсе не частным, а как раз наоборот. Во всяком случае, именно это следует из ответа Миллера Бюшингу 20 февраля 1756 года: «Ваше Благородие в столь выгодном свете изобразили господина доктора Дильтея, что я не замедлю показать Ваше письмо Его Превосходительству господину камергеру и куратору Московского университета Шувалову»³². И, если верить Бюшингу, все так и случилось: вскоре письмо было Шувалову показано³³. В итоге рекомендация, содержащая сведения о том, что Дильтей написал диссертацию «на заказ», была воспринята куратором самым благожелательным образом и кандидат был зачислен в штат университета ординарным профессором.

²⁹ Там же. С. 27.

³⁰ Там же. Насчет немецкого Бюшинг, видимо, ошибался: большинство опубликованных работ Дильтея написаны изначально на французском.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 44.

³³ «Müller zeigte meinen Brief dem kaiserlichen Kammerhern und Ritter Iwan Iwanowitsch Schuwalow» (*Büsching A.F.* Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen insonderheit gelehrter Männer. Bd. 3. Halle: Curt, 1785. S. 56 <http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10806399_00005.html>). См. об этом: *Donnert E.* Philipp Heinrich Dilthey (1723–1781) und sein Bildungsplan für Rußland vom Jahre 1764 // *Österreichische Osthefte: Mitteilungsorgan des Österreichischen Ost und Südosteuropainstituts.* 1989. V. 31. S. 207.

Что все это значит? Неужели речь идет о циничном обмане, соучастниками которого были такие важные и авторитетные в ученом мире персоны как Миллер и Бюшинг? А вместе с ними и основатель университета, высший государственный сановник и доверенное лицо императрицы? В это трудно поверить. Но тогда, как иначе можно истолковать эту историю? Может быть, ситуацию прояснит сам текст диссертации Франца Кевенхюллера, где мы найдем хотя бы упоминание имени Дильтея? В таком случае обман хотя бы будет не таким явным.

Смотрим на ее титульный лист, формат которого ничем не отличается от большинства других диссертаций того времени³⁴. Сначала здесь обозначается жанр публикации: «Диссертация по публичному праву» (*Dissertatio iuris publici*); затем следует ее название: «Об избрании Римского короля» (*De eligendo Romanorum rege*); после этого указаны имя соискателя степени – Франц Антон Кевенхюллер (*Franz Anton Khevenhüller*), место защиты – юридический факультет Эрфуртского университета (*Facultate juridica... in alma et perantiqua Hierana*), аудитория, где состоится защита (*in auditorio coelico*); и, наконец, время ее проведения: «в обычное время 26 января 1756 года» (*horis consuetis D. XXVI. Jan MDCCLVI*). Внизу значатся место публикации и название типографии: *Erfordia, Litteris Heringianis, Acad. Typogr.* Никакого упоминания имени Дильтея на титульном листе диссертации, таким образом, нет (впрочем, как и указания на то, что ее автором является Кевенхюллер). Имя наставника молодого графа не встречается и в тексте работы. По всему выходит, что Кевенхюллер получил степень за диссертацию, написанную Дильтеем, т.е. в результате подлога.

Однако в поле моего зрения оказались и некоторые другие свидетельства об авторстве *De eligendo Romanorum rege* и обстоятельствах присуждения докторской степени молодому графу, заставившие меня не спешить с выводами. Так, в упоминавшемся выше письме Бюшинга Миллеру от 21 января 1756 года, где в заслугу Дильтею ставилось, что он написал диссертацию Францу Кевенхюллеру, зачем-то было сказано, что на эту диссертацию «появится рецензия в ближайших здешних Известиях»³⁵. Листаю «Геттингенские научные известия» (*Göttingische Gelehrte Anzeigen*) – в то время авторитетнейшее периодическое издание,

³⁴ С диссертацией Франца Антона Кевенхюллера можно ознакомиться здесь: <http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb11075443_00001.html>.

³⁵ История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). С. 44 (курсив мой. – Ю. З.).

сообщавшее о событиях научной жизни Европы³⁶. В выпуске от 12 февраля 1756 года, в интересующем нас сообщении, после заглавия «Эрфурт» сначала приводятся по латыни краткие сведения о теме диссертации и ее авторе:

Об избрании римского короля: диссертация по публичному праву, которую публично защитил Франциск Антоний Св. Римск. Имп. граф де Кёйенхюллер из Айхельберга, Его Священного Императорского и Королевского Величества Камерарий, верховный наследный Шталмейстер Каринтии, а также почетный член Курфюршеской Академии полезных наук³⁷.

Затем, уже на немецком, следует общая характеристика работы:

В ¼ листа, 80 страниц. Это добротное написанное академическое полемическое сочинение, которое в прошедшем январе месяце было без покровителя (*ohne Beistand*) защищено благородным господином автором, подразделяется на 6 частей, в первой из которых определяется само содержание термина римский император...³⁸

Затем идет пересказ ее содержания. Едва ли имеет смысл воспроизводить его здесь подробно – выделю лишь несколько показательных моментов. Подытоживая содержание второго раздела, автор рецензии обращает внимание на заочную полемику соискателя с немецким юристом XVII века, профессором Йенского университета Иоанном Лимнеем (Johann Wirm, 1592–1663): «Господин граф, несмотря на это, отвечает Лимнею основательно»³⁹ и т.д. В пятом разделе делается главный и вполне ожидаемый вывод диссертации: лучшей кандидатурой для избрания следующим «римским королем» (т.е. императором Священной Римской империи) является соотечественник соискателя четырнадцатилетний Иосиф, сын Императора Франца I Габсбурга и Марии-Терезии:

...И поскольку ни один немецкий княжеский дом по могуществу земель и богатству не сравнится со Светлейшим эрцгерцогским австрийским домом, и, мы должны еще прибавить, поскольку этот дом, столь высоко осчастливленный Господом, на протяжении столь многих лет был защитой нашей не-

³⁶ См.: Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen. 1756. Bd. 1. S. 157 <<http://gdz.sub.uni-goettingen.de/dms/load/toc/?PPN=PPN31973076X&IDDOC=66088>>.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid. S. 158.

мецкой родины от турок и вторжений французов, то похвальное и патриотическое рвение вынуждает его заявить, что для избрания римским королем никогда не могло бы найтись более достойного кандидата, чем Светлейший эрцгерцог Иосиф⁴⁰.

Последний, шестой раздел в изложении рецензента содержит «пожелание сохранения славного австрийского дома и всей Немецкой империи»⁴¹. И, полностью солидаризируясь с мнением автора, он добавляет: «К особенному украшению нашей немецкой родины служит то (и мы видим в этом надежду на продолжительное счастливое [ее] процветание в будущие времена), что с благороднейшими домами теснейшим образом связана любовь к изящным искусствам и наукам»⁴².

Наконец, в заключении рецензии дается оценка ученых заслуг новопеченного доктора, что для нас, несомненно, особенно любопытно:

Благородный господин автор показывает своим отменно написанным сочинением, в котором едва ли можно признать работу 19-летнего юноши, сколь много выдающихся других в области права он обещает родине в зрелом возрасте⁴³.

Неужели снова циничный обман? Может быть, отпрыск знатного рода заплатил не только Дильтею за написание диссертации, но и анонимному автору за рецензию на нее? В таком случае не совсем понятно, зачем ему было так тратиться. Ведь молодой Кевенхюллер явно не собирался делать научную карьеру – знатные особы его ранга профессорами в университетах тогда не состояли, поскольку находили себе менее обременительные занятия. Для добавления к своему титулу и богатству докторского звания и славы ученого?

1.3. Массовая торговля диссертациями и степенями?

Помимо двух рассказанных историй, недвусмысленно намекающих на существование во второй половине XVIII века не вполне честных, с нашей точки зрения, способов получения докторских степеней, мне так-

⁴⁰ Ibid. S. 159. Имеется в виду будущий король Германии (с 1764 г.) и император Священной Римской империи Иосиф II (избран 18 августа 1765 г.).

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid.

же встретились свидетельства иного рода – прямые указания современников на их массовый характер.

Приведу в этой связи еще одну историю, на этот раз снова российскую. Тот же В.Е. Адодуров, который, как мы помним, принял в 1764 году на профессорскую должность не имевшего никаких степеней Лангера, несколько месяцев спустя ввел практику переэкзаменовки выпускников университета, которые, получив докторские степени за границей, вернулись в свою *alma mater*. Помимо сдачи экзаменов по основным предметам, изучавшимся ими в университетах Германии, Швеции, Англии и Голландии, он решил проводить также экспертизу их диссертаций. Одна из таких экспертиз была поручена профессору Московского университета, магистру философии и доктору медицины Иоганну Христиану Керштенсу, а авторами рецензируемых работ были доктора медицины Петр Дмитриевич Вениаминов и Семен Герасимович Зыбелин, защитившие свои диссертации в Лейденском университете, 28 и 29 июля 1764 года соответственно.

Поскольку Адодуров требовал, чтобы заключение Керштенса было написано им собственноручно, можно сделать вывод, что он придавал этой экспертизе большое значение. В ордере директору Хераскову от 22 февраля 1765 года он писал: «...Посылаю при сем обратно также и диссертации докторов Зыбелина и Вениаминова, на которые от профессора Керштенса извольте потребовать обстоятельного как в рассуждении материй, так и стилия, *за его рукою* в сходственность моего о том ему приказания, объяснения»⁴⁴. 2 марта 1765 года на заседании Конференции Керштенс заключение представил, однако в нем он отказывался сделать определенный вывод. Этот отказ и представляет для нас, собственно, главный интерес. В протоколе он формулируется следующим образом: «Относительно диссертаций студентов Зыбелина и Вениаминова г. проф. Керштенс заявил, что никакого определенного заключения или утверждения об эрудиции названных студентов по этим диссертациям сделать нельзя, ибо *такого рода рассуждения и специальные работы могли быть написаны другими докторами или профессорами от имени студентов, чему имеется немало примеров*»⁴⁵. Примеров Керштенс, правда, не при-

⁴⁴ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 2. С. 46.

⁴⁵ История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Т. 2. С. 62 (курсив мой. – Ю. З.). Квалификация Вениаминова и Зыбелина была впоследствии доказана в результате строгого испытания, учиненного им профессорами медицин-

вел, однако примечательно, что его заявление не вызвало никаких возражений, опровержений или протестов со стороны директора Хераскова или присутствовавших профессоров (И.Г. Фроммана, А.А. Барсова, И.Г. Рейхеля, И.М. Шадена, К.Г. Лангера, И.Ф. Эразмуса). Значит ли это, что они были согласны с его мнением? То есть тоже считали, что написание диссертаций за деньги в европейских университетах было распространенной практикой?

В русских документах середины – второй половины XVIII века, впрочем, можно обнаружить и более категоричные утверждения на этот счет: о торговле не только диссертациями, но и учеными степенями. Одно из них содержится в «Записке» действительного статского советника, вице-президента Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел Фридриха (Федора/Егора Ивановича) Крейдемана под названием «Способность и неспособность австрийского плана о гимназиях и университетах в разсуждении Российской Империи», составленной в 1786 году в рамках проекта реформы образования Екатерины II⁴⁶. Пункт № 6 «Записки» начинается с безапелляционного заявления, которое, видимо, не нуждалось в доказательствах: «Известно, что иностранные университеты уже несколько столетий торгуют учеными названиями, производя бакалавров, магистров, лиценциатов и докторов с разными торжествами...»⁴⁷. Дальше давалось объяснение причины существования такой практики: «...В Германии не токмо по общим имперским законам, но и по особым провинциальным и городским учреждениям, с помянутыми чинами сопряжены некоторыя права и преимущества»⁴⁸. На основании этого Крейдеман убеждал Екатерину в том, что, в отличие от Германии,

ского факультета И.Х. Керштенсом и И.Ф. Эразмусом 3 сентября 1756 года. Молодыми докторами были прочитаны пробные лекции, а потом с каждым в отдельности проведено подробное собеседование по их содержанию. См.: Документы и материалы по истории Московского Университета второй половины XVIII века. Т. 3. С. 168–169; История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века): сборник документов / сост., вступ. статьи и прим. Д.Н. Костышина. Т. 3. М.: Academia, 2014. С. 500.

⁴⁶ Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII – XIX в. / сост. С.В. Рождественский. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1910. С. 363–371. Об университетских реформах Екатерины см.: *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Языки Славянской Культуры. С. 81.

⁴⁷ Материалы для истории учебных реформ в России. С. 365. Дальше следовало любопытное моральное обоснование для осуждения этой практики: университеты «подают через то молодым людям повод к немалым расходам» (Там же).

⁴⁸ Там же.

в России, где в законодательстве прямой связи между учеными степенями и привилегиями не существует, а также ввиду массового характера фальсификаций, степени не нужны. Для подтверждения же квалификации выпускников, по мнению государственного мужа, их следовало бы заменить особыми выпускными дипломами:

Но в разсуждении Российской Империи не предвидится в таковых академических наименованиях ни малейшей надобности, ниже пользы. Для обуздания же некоторым образом такового ученаго чинолюбия и для отличения *отменно-искусных* студентов не бесполезно было бы, еслиб таковым отличившимся, по окончании ими наук, давать от университета за печатью письменныя свидетельства, что они в той или другой науке, в коей они отменно преуспели, достойны сами заступить профессорское место⁴⁹.

В Германии мысль о порочности существующей практики присуждения докторских степеней и необходимости ее преобразования стала с новой силой будоражить умы ученых и государственных деятелей в начале XIX века. Ярким свидетельством этого являются суждения знаменитого богослова, проповедника и экстраординарного профессора университета в Галле Фридриха Шлейермахера в его брошюре «Размышления об университете в немецком смысле» (1808 г.). В частности, в шестом ее разделе «О присвоении ученых степеней» Шлейермахер выражает недоумение: почему государство поддерживает практику, которая давно и безусловно себя дискредитировала?

Без сомнения, – пишет он, – это наиболее устаревшая часть в наших университетах. Схоластическая форма диспутов превратилась в бессодержательный игрушечный бой, и поскольку ее везде воспринимают неотделимо от всего остального, то и доверие почти ко всем присуждаемым в университетах степеням упало глубоко ниже того уровня, с которого начинаются насмешки. Не хватает еще только того, чтобы процесс превращения студента в доктора философии послужил эталоном максимальной скромности. Самое же веское доказательство этого всеобщего недоверия состоит в том, что государство зачастую даже не считает эти степени достаточными для допущения их обладателей к судебной или врачебной практике, чему причиной на самом деле является такое недовольство государства университетами, что стоит лишь удивляться, как оно их все же обыкновенно поддерживает⁵⁰.

⁴⁹ Материалы для истории учебных реформ в России. С. 365–366.

⁵⁰ Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков. Антология / сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011. С. 526.

Итак, подведем черту: торговля докторскими диссертациями и степенями в Европе середины – второй половины XVIII века вовсе не была явлением исключительным. Она практиковалась многими университетами и продолжала существовать, несмотря на критику государственных чиновников и представителей ученого сообщества. Впрочем, этот вывод не слишком оригинален: к нему приходят многие историки, исследовавшие положение дел с присуждением ученых степеней в европейских университетах этого времени. Вопрос в другом: считалась ли тогда эта торговля преступным обманом, или хотя бы просто чем-то безнравственным? Неужели Адодуров, намекая на «заочную» защиту Лангера, предлагал Миллеру пойти на подлог? А десятью годами раньше Бюшинг, Миллер и сам камергер Шувалов рассматривали участие Дильтея в подлоге как его заслугу? И еще: если практика написания диссертаций «на заказ» была, действительно, столь распространена, то как родовитые недоросли защищали основные положения сочинений, написанных другими, несравнимо более учеными людьми? Что, скажем, происходило за закрытыми дверями «небесной аудитории» на юридическом факультете Эрфуртского университета 26 января 1756 года, когда докторский «граду» был присужден Францу Кевенхюллеру? Или никакой защиты не было вовсе, и декан факультета просто поставил под документом о присуждении степени свою подпись, а университетский нотариус заверил ее печатью? Естественно, не безвозмездно.

2. Разыскания

2.1. Ученые степени в раннее Новое время: исследования

Многочисленные высказывания современников и другие свидетельства существования в Европе XVII – XVIII веков, скажем мягко, не совсем принятых сегодня способов присуждения ученых степеней стали в последнее время все больше привлекать внимание историков. Сама тема возведения в ученую степень в историографии, правда, не нова⁵¹. Одна-

⁵¹ Hörn E. Die Disputationen und Promotionen an den Deutschen Universitäten vornehmlich seit dem 16. Jahrhundert. Mit einem Anhang enthaltend ein Verzeichnis aller ehemaligen und gegenwärtigen deutschen Universitäten. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1893 <https://archive.org/details/bub_gb_glMyAQAAAJ>; Bengeser G. Doktorpromotion in Deutschland: Begriff, Geschichte, gegenwärtige Gestalt. Bonn: Verlag Hochschul-Dienst Raabe, [1964].

ко она долгое время рассматривалась в рамках традиции, которую Марк Блок назвал «манией происхождения»: вместо объяснения явления истории искали его истоки. Причем изучение присуждения степеней для тех, кто занимался историей университетов, было сюжетом второстепенным или даже третьестепенным. Главное внимание они уделяли иным темам, так или иначе связанным со «славным прошлым»: университетским привилегиям, академическим свободам, формам самоуправления, роли университетов в культурной жизни Европы, учебным дисциплинам, торжественным ритуалам, вольному студенческому быту и т.д.⁵²

Однако в последние 10–15 лет в изучении университетских степеней обозначился новый ракурс: акцент сместился с поиска истоков и преемственности на выявление и описание различий и исторических особенностей. И такой перенос внимания позволил увидеть феномен ученой степени раннего Нового времени по-новому. Стало очевидно, что сегодняшние представления о ее важнейших социальных и культурных функциях, об общественной роли ее обладателя, о том, как должна выглядеть диссертация, о ее авторстве, оригинальности и научной значимости, порядке ее защиты были тогда чужды европейскому академическому сознанию. Обнаружение этого феномена породило новую волну интереса к теме и целую серию посвященных ей исследований⁵³.

(То же в: *Promotionsordnungen: eine Sammlung der Vorschriften über die Verleihung des Doktorgrades*. Bonn: Hochschul-Dienst Raabe, 1964.)

⁵² Такое внимание к «славному прошлому» вполне объяснимо, поскольку история широко используется сегодняшними университетами для подтверждения высокого статуса создаваемого в их стенах научного знания. Актуализация этого «славного прошлого», в том числе и в совсем недавно появившихся университетах, находит наиболее зримое воплощение в воспроизводстве старинных церемониалов, некогда сопровождавших присвоение ученых степеней, – особенно облачении в специальные одежды (почти повсеместно это мантия и квадратная академическая шапочка с кисточкой в Оксбриджском стиле).

⁵³ *Bilder – Daten – Promotionen. Studien zum Promotionswesen an deutschen Universitäten der frühen Neuzeit* / Hrsg. Rainer A. Müller. Stuttgart: Steiner Verlag, 2007; *Blecher J. Vom Promotionsprivileg zum Promotionsrecht. Das Leipziger Promotionsrecht zwischen 1409 und 1945 als konstitutives und prägendes Element der akademischen Selbstverwaltung*. Diss. phil. Halle-Wittenberg. 2006. S. 62–137 (Kapitel 3: Das Leipziger Promotionsrecht nach 1409 bis zum 1830) <<https://www.archiv.uni-leipzig.de/geschichte/universitaetsgeschichte/die-universitaet-leipzig-im-20-jahrhundert/promotionsrecht-der-universitaet-leipzig/>>; *Chang K. From Oral Disputation to Written Text: the Transformation of the Dissertation in Early Modern Europe // History of universities*. Vol. 19/2. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 129–187; *Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2006; *Der Dokortitel zwischen Status und Qualifikation* / Hg. Nathalie Huber, Anna Schelling, Stefan Hornbostel. iFQ-Working Paper No. 12. November 2012 <[20](http://www.forschun-</p></div><div data-bbox=)

Впрочем, как историки, занятые поиском истоков, так и те, которые акцентируют внимание на различиях, вполне единодушны в одном: присуждавшиеся в раннее Новое время университетские степени совсем не обязательно являлись свидетельством научных заслуг кандидатов и в еще меньшей мере – свидетельством достоинств защищенных ими диссертаций. И те и другие охотно приводят примеры насмешек современников над «титуломанией» университетской корпорации, присуждения ученых степеней случайным людям, пустословия диссертаций и т.д.⁵⁴ Историки также сходятся во мнении, что в германских университетах середины – второй половины XVIII века торговля диссертациями и степенями была едва ли не обыденным делом. В качестве аргументов ими приводятся десятки свидетельств, в том числе принадлежащих авторитетным ученым и государственным деятелям⁵⁵. Такое положение вещей чаще всего связывают с общим упадком университетов как институтов производства и трансляции научного знания: они оставались глухи к новым идеям, рожденным Научной революцией XVII века и эпохой Просвещения, и упрямо противились любым переменам⁵⁶. В результате к началу XIX века место университетов в Европе заняли другие центры интеллектуальной

gsinfo.de/Publikationen/Download/working_paper_12_2012.pdf>; Disputatio 1200–1800. Form, Funktion und Wirkung eines Leitmediums universitärer Wissenskultur / Hrsg. Marion Gindhart, Ursula Kundert. Berlin: De Gruyter, 2010; Examen, Titel, Promotionen: Akademisches und staatliches Qualifikationswesen vom 13. bis zum 21. Jahrhundert / Hrsg. Rainer C. Schwinges. Basel: Schwabe & Co AG, 2007 (Veröffentlichungen der Gesellschaft für Universitäts- und Wissenschaftsgeschichte, Band 7); *Füssel M.* Gelehrtenkultur als symbolische Praxis. Rang, Ritual und Konflikt an der Universität der Frühen Neuzeit. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006; Promotionen und Promotionswesen an deutschen Hochschulen der Frühmoderne / Hg. R.A. Müller. Köln: SH-Verlag, 2001 (Abhandlungen zum Studenten- und Hochschulwesen, Band 10); *Wollgast S.* Zur Geschichte des Promotionswesens in Deutschland. Bergisch-Gladbach: Dr. Frank Grätz Verlag, 2001. В подавляющем большинстве случаев речь в них идет о германских университетах, что не удивительно – ведь именно они оказали наибольшее влияние на становление университетского образования и университетской науки в современном мире.

⁵⁴ Например, эпизод, когда студенты одного из немецких университетов возвели в докторскую степень барана, нарядили его в соответствующие одежды и возили по городу с криками «Дорогу новому академику!» // Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. С. 331.

⁵⁵ *Prahl H.W.* Sozialgeschichte des Hochschulwesens. München: Kösel-Verlag, 1978. S. 129; *Wollgast S.* Zur Geschichte des Promotionswesens in Deutschland. Bergisch-Gladbach: Dr. Frank Grätz Verlag, 2001. S. 103–104.

⁵⁶ *Rudy W.* The Universities in Europe, 1100 – 1914. A History. Ruteford, NJ: Fairleigh Dickinson University Press, 1984. P. 87; *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. С. 23.

жизни: ученые сообщества и академии, салоны (во Франции), кофейни (в Англии)⁵⁷.

В общем можно заключить, что в Европе раннего Нового времени «фальшивые» магистры и доктора встречались едва ли не чаще, чем сегодня. Но что значит «фальшивые»? То, что обладатели степеней получали их в обход установленного порядка, т.е. обманным путем? Или же «фальшивыми» они кажутся только сегодня, а тогда дело обстояло как-то иначе? И если второе, то как именно? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо реконструировать основные составляющие понятия «ученая степень» и их эволюцию от Средних веков к Новому времени: требования к кандидату, социальный статус обладателя степени, порядок ее присуждения, роль диссертации и практику ее написания. В основу реконструкции будут положены результаты исследований историков об университетских степенях в германских университетах XVII – XVIII веков, а также анализ содержания магистерских и докторских диссертаций того времени.

2.2. Ученая степень как часть культуры: Средние века и раннее Новое время

В Средние века университеты представляли собой корпорацию учителей и учеников – наподобие средневекового цеха или гильдии, большую часть которой составляли клирики⁵⁸. Поскольку деятельность университетов обуславливалась папскими привилегиями, их главная задача состояла в трансляции авторитетного корпуса знаний, единого для всех христиан. В эпоху Реформации положение вещей изменилось: универ-

⁵⁷ В революционной Франции они воспринимались как оплоты Старого порядка и в сентябре 1793 года по решению Национального конвента были распущены (см.: *Guillaume J. Universités. I. Les universités de l'ancien régime // Nouveau dictionnaire de pédagogie et d'instruction primaire / Dir. Ferdinand Buisson. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1911 <<http://www.inrp.fr/edition-electronique/lodel/dictionnaire-ferdinand-buisson/document.php?id=3764>>*). В германских же государствах университеты продолжали оставаться главными центрами научного знания.

⁵⁸ *Уваров П.Ю. Университет // Словарь средневековой культуры. М.: РОССПЭН, 2003. С. 544–552; Нехаева С.В. Университеты // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. 2. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 2011. С. 364–371. Библиографию работ российских исследователей по ранней истории западноевропейских университетов см.: *Посвятенко Ю.В. Проблемы университетского образования в отечественной историографии // Очерки истории университетского образования / под ред. Т.А. Молоковой; 2-е изд., испр. и доп. М.: МГСУ, 2011. С. 15–38.**

ситеты стали конкурирующими центрами богословия, в задачу которых входило, в частности, отстаивание правоты учения той или иной христианской конфессии. Поскольку в германских землях их деятельность отныне определялась секулярными князьями, то, помимо подготовки теологов, большое внимание в них стало уделяться обучению юристов, врачей и государственных служащих⁵⁹. При этом различия в организационной структуре и функционировании между католическими и протестантскими университетами были несущественными. Схожими оставались также понимание сущности ученой степени и порядок ее присуждения⁶⁰.

Иерархия ученых степеней (*baccalaureus – licentiate – magister/doctor*) в разных частях Европы на протяжении столетий была схожей⁶¹. Высшими являлись степень доктора – на факультетах теологии, права и медицины – и магистра на факультете философии. Степень доктора философии появилась только в последние десятилетия XVIII столетия, а переходная степень, лицензиат, дававшая право на преподавание (*Patent*), в большинстве германских университетов к тому времени уже исчезла⁶². Мало отличался и порядок их присуждения. Первоначально привилегия возводить в звание доктора гражданского права (*legum doctor*) даровалась университетам императорами, а в звание доктора канонического права (*juris canonici doctor*) – папами. Позднее, когда обе ветви права на юридических факультетах были объединены, университеты стали присуждать степень «доктора обоих прав» (*doctor utriusque juris*). Распространившись в позднее Средневековье также на богословие и медицину, степень доктора стала высшей ступенью в академической иерархии⁶³.

Примечательно, что вплоть до второй половины XVIII века ученая степень не была непосредственно связана с научными заслугами индивида и обладала харизмой, схожей с рыцарским или монашеским звани-

⁵⁹ Hofstetter M.J. The Romantic Idea of a University. England and Germany, 1770–1850. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2001. P. 1–2.

⁶⁰ Уваров П.Ю. История интеллектуалов и интеллектуального труда в Средневековой Европе (спекурс). М., ИВИ РАН, 2000. С. 16–19.

⁶¹ Впрочем, в большинстве немецких университетов низшая степень бакалавра отсутствовала.

⁶² Kintzinger M. Licentia. Institutionalität «akademischer Grade» an der mittelalterlichen Universität // Examen, Titel, Promotionen. S. 55–88.

⁶³ Далее в статье понятие «ученая степень» будет обозначать исключительно высшие академические степени: доктора теологии, права и медицины, а также магистра философии, т.е. те, для присуждения которых требовались диссертация и ее публичная защита.

ем, а ее присуждение рассматривалось в первую очередь как моральная и юридическая трансформация субъекта⁶⁴. Результатом этой трансформации становилось обретение нового социального статуса, сравнимого со статусом низшего дворянства. Соответственно, обладатель степени как лицо, относящееся к особому сословию, выделялся среди других членов общества своими привилегиями и одеждами⁶⁵.

Процедура присуждения докторских и магистерских степеней, как и все экзамены в средневековых университетах, была устной и носила название «диспута на присуждение степени» (*disputatio pro gradu*) или «инаугурационного диспута» (*disputatio inauguralis*). Такой диспут, а также последующая церемония возведения кандидата в ученое звание, представляли собой торжественный ритуал и обычно проходили в дни праздников. Местом их проведения были либо специально украшенная главная аудитория университета, либо церковный собор. Помимо самого соискателя и университетских докторов, на инаугурационных диспутах присутствовали представители знати, городских властей и клира. Торжественный характер возведения в докторскую степень был обусловлен важным значением этого события для всех трех участвующих в нем сторон: кандидата, факультета и ученой корпорации в целом⁶⁶. Для кандидата это был момент обретения нового статуса и соответствующих ему прав и привилегий. Для факультета, помимо подтверждения авторитета в ученом мире, – существенное пополнение бюджета. Наконец, для ученой корпорации это был акт селекции новых членов и к тому же возможность получить вознаграждение и подарки от соискателя. По окончании диспута проходила праздничная церемония, включавшая торжественное шествие, церковную службу, публичное восхваление кандидата, принесение им докторской клятвы и передачу ему докторских регалий (*insignia doctoralia* – книги, затем кольца, символизирующего брачный союз с музами, перчаток и шапки)⁶⁷. По завершении церемонии раздавались звуки

⁶⁴ Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University. P. 198.

⁶⁵ Об эволюции социальной роли докторской степени и порядка ее присуждения в германских университетах до XIX века см.: Schwinges R. Chr. Promotionen in historischer Perspektive: Organisation und Gesellschaft // Der Dokortitel zwischen Status und Qualifikation. S. 15–23.

⁶⁶ Chang K. From Oral Disputation to Written Text. P. 134, 140–141.

⁶⁷ О докторских регалиях в Кембриджском университете раннего Нового времени см.: Stokes H.P. Ceremonies of the University of Cambridge. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 38–39. Согласно заключению русского историка, сделанному сто лет назад, «если оставить в стороне разные аксессуары (речи, диспутации, много

музыки и начиналось праздничное застолье (*convivium*), которое также имело ритуальный характер, подобно застольям, устраивавшимся в честь принятия новых членов в средневековый цех или гильдию⁶⁸.

Считается, что средневековое понимание сущности ученой степени доминировало в университетах вплоть до середины XVIII века. То есть и сама ученая степень как знак общественного признания, и порядок ее присуждения, и социальный статус ее обладателя сильно отличались от сегодняшних. Главные же причины этих отличий коренились в самом обществе, неотъемлемой частью которого она являлась⁶⁹. Дело в том, что в Европе раннего Нового времени знание развивалось в ином культурном контексте: светская наука не имела тогда безусловного авторитета и ее значимость – а иногда и само ее существование – нужно было постоянно отстаивать в спорах с ортодоксальными клириками⁷⁰. Последние же убеждали паству, что в своих занятиях ученые движимы не стремлением к высшей божественной истине, а низменными побуждениями: гордыней, честолюбием, обманом, алчностью, и что неотъемлемыми чертами их сочинений являются словоблудие, плагиат, бесстыдство, праздное любопытство⁷¹.

2.3. Диссертации и их защиты между Средневековьем и Новым временем

«Сегодня мы называем диссертацией текст, написанный кандидатом на присуждение ученой степени и *viva voce* защищенный перед группой людей (экзаменационным комитетом или научным сообществом университета). Ее форма очевидна – текст, ее автор бесспорен – кандидат. Точ-

раз повторяемую присягу), сущность акта возведения в докторство или магистерство состояла в облечении кандидата знаками докторского или магистерского достоинства» (Суворов Н.С. Средневековые университеты. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 184–185).

⁶⁸ Суворов Н.С. Средневековые университеты. С. 185–187.

⁶⁹ О сохранении средневекового символического смысла докторской степени в раннее Новое время см.: Füssel M. Gelehrtenkultur als symbolische Praxis. Rang, Ritual und Konflikt an der Universität der Frühen Neuzeit. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006.

⁷⁰ См., например: Kivistö S. Hieronymus Hirnhaim's De typho generis humani (1676) and scepticism about human learning // Acta Conventus Neo-Latini Monasteriensis: Proceedings of the Fifteenth International Congress of Neo-Latin Studies / ed. Jacqueline Glomski et al. Leiden: Brill, 2015. P. 326–336.

⁷¹ Kivistö S. The Vices of Learning: Morality and Knowledge at Early Modern Universities. Leiden: Brill, 2014.

но так же не вызывает сомнений ее назначение – получение ученой степени, в большинстве случаев – доктора. Хотя объем и качество диссертаций может различаться, считается, что докторская диссертация должна вносить оригинальный вклад в сокровищницу знаний. Эти ее критерии считаются сегодня самоочевидными»⁷².

Это емкое определение Ку-Минг Чанга дальше послужит отправной точкой для анализа диссертаций раннего Нового времени и процедуры их защиты. Примеры будут взяты из истории германских университетов XVII – XVIII веков, где порядок присуждения степеней, хоть и имел региональные отличия, а также мог варьироваться в зависимости от факультета, в целом был схожим⁷³.

Требования к кандидату. На получение ученой степени мог рассчитывать далеко не каждый желающий, и эрудиция соискателя была здесь лишь одним из критериев, причем, по-видимому, не всегда обязательным. Обязательными же были требования юридического, морального и финансового свойства: будущий обладатель степени должен был быть законнорожденным, христианином, не иметь дурной славы, вести добропорядочный образ жизни, быть официально зачисленным в университет (имматрикулирован), проучиться в нем определенное время и иметь предшествующую степень (она могла быть получена в другом университете), оплатить факультету (или университету) за защиту установленную сумму, опубликовать за свой счет диссертацию, произнести торжественную клятву. Правоведы конца XVII – начала XVIII века также считали, что кандидат должен лично присутствовать на защите и отвечать определенным физическим требованиям: не иметь телесных увечий, пребывать в здравом рассудке, а также обладать способностью говорить и быть зрячим⁷⁴.

Эти общие требования, однако, предполагали и исключения, которые также имели юридические обоснования. Так, юристы утверждали, что в особых случаях степень доктора можно присуждать и тогда, когда кандидат не проучился в университете определенное обычным порядком время и не имеет предшествующей степени – т.е. «перепрыгнув», *per saltum*⁷⁵. Ими допускалась также возможность присуждения степени без

⁷² Chang K. From Oral Disputation to Written Text. P. 129.

⁷³ Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. С. 333–336.

⁷⁴ Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University. P. 197–199.

⁷⁵ К началу XVIII века требование, чтобы кандидат проучился в университете в течение некоторого времени, стало, по-видимому, более-менее общим (Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University. P. 201).

публичной защиты и даже без физического присутствия кандидата – *in absentia*⁷⁶. Примерно к 1730-му году утвердилось мнение, что подобные казусы следует считать вполне легитимными⁷⁷, а некоторые правоведы заявили, что докторскую степень можно присуждать за ученые заслуги и *postmortem* – в этом случае соответствующие привилегии должны были перейти к семье покойного⁷⁸.

Легализация особых казусов такого рода позволяла университетам и факультетам не только награждать степенями влиятельных особ, но и неплохо зарабатывать – защита стоила немалых денег. Например, согласно статуту медицинского факультета университета Галле 1694 года, за допуск кандидата к экзамену на степень взималось 20 имперских талеров, еще 20 – за «предзащиту» (или «строгий экзамен» – *examen rigorosum*), 4 – за составление программы инаугурации, 10 составлял гонорар председателствующему (*praeses*) и т.д.⁷⁹ Как считают сегодня исследователи, в середине XVIII века в немецких (особенно прусских) университетах за хорошие деньги докторская степень вполне могла быть присуждена не только без защиты, но даже и без зачисления кандидата в университет. Распространение же практики продажи ученых степеней и падение ее престижа они связывают с упадком статуса и привилегий аристократии, с которой доктора себя соотносили⁸⁰.

Disputatio u disseratio. В Средние века, в условиях ограниченного распространения письменного слова, понятия «искусство рассуждать» (*ars disserendi*) и «искусство спорить» (*ars disputandi*) употреблялись как синонимы и подразумевали устное изложение мнений⁸¹. Соответственно, нераздельны были и понятия *dissertatio* как предмет обсуждения и *disputatio* как его форма. В привычном нам виде (т.е. как научного труда) *dissertatio* долгое время не существовало, а тезисы, выносимые на защи-

⁷⁶ Присуждение степени *in absentia* предполагало, что кандидат пришлет клятву в письменном виде по почте (Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University. P. 200). Практика присуждения степени *in absentia* в германских университетах постепенно исчезла в первой половине XIX века (Rasche U. Geschichte der Promotion in absentia. Eine Studie zum Modernisierungsprozess der deutschen Universitäten im 18. und 19. Jahrhundert // Examen, Titel, Promotionen. S. 275–351).

⁷⁷ Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University. P. 217.

⁷⁸ Ibid. P. 201. Присуждение ученой степени *postmortem* и сегодня узаконено в некоторых университетах. См., например: <<http://www.tacoma.uw.edu/uwt/enrollment-services/procedure-awarding-posthumous-degrees-university-washington-tacoma>>.

⁷⁹ Chang K. From Oral Disputation to Written Text. P. 141.

⁸⁰ Ibid. P. 165.

⁸¹ Ibid. P. 129.

ту, могли быть написаны от руки и затем зачитаны перед участниками диспута. Когда же в конце XVII – первой половине XVIII столетия для присуждения ученой степени стал требоваться предварительно опубликованный текст, *dissertatio* и *disputatio* в его названии выступали как взаимозаменяемые синонимы⁸².

Поскольку на протяжении столетий главной в университетском преподавании была устная форма передачи знаний, диспуты занимали в нем важное место и так же, как и лекции, использовались при обучении всем наукам на всех уровнях⁸³. Задача диспута заключалась в том, чтобы закрепить и углубить «канонические» знания о Священном Писании, церковном и римском праве, учениях Аристотеля, Галена и других общепризнанных авторитетов, священной истории и т.д., полученные на лекциях. Соответственно, наиболее очевидным признаком успеха студента в учебе считалось его умение вести устные дебаты, следуя требованиям Аристотелевой логики, на протяжении столетий составлявшей основу образования на подготовительных философских факультетах⁸⁴. Высшей же формой университетских дебатов для студентов считался диспут на присуждение ученой степени, выполнявший роль итогового экзамена⁸⁵.

До XVII века практика *disputatio pro gradu* существовала в университетах, по-видимому, только для присуждения степени бакалавра (при-

⁸² Ibid.; Freedman J.S. Published academic disputations in the context of other information formats utilized primarily in Central Europe (c.1550–c.1700) // *Disputatio 1200–1800*. S. 98–99. Поскольку словом *disputatio* (диспут) называлось также и устное испытание кандидата, чтобы избежать путаницы, в дальнейшем я буду во всех случаях использовать слово «диссертация» (*dissertatio*) для обозначения письменного текста, а «диспут» (*disputatio*) – для обозначения процедуры защиты.

⁸³ Значимость диспута как устной формы распространения знания в Средние века была настолько велика, что по его модели выстраивались и письменные жанры. Классическим примером такого рода можно считать «Сумму богословия» Фомы Аквинского (*Ong W.J. Orality and Literacy: The Technologizing of the Word*. L.: Routledge, 1982. P. 95).

⁸⁴ «Канонический» корпус университетского знания в условиях Реформации, развития эмпирического знания и государственного законодательства претерпевал изменения, менялись и требования к содержаниям диссертаций, однако процедура инаугурационного диспута менялась медленно. Она, несомненно, оказывала влияние и на письменное слово: вплоть до XVIII века немецкие авторы полемических трактатов строили их, следуя канону устного диспута (см.: *Chang K. From Oral Disputation to Written Text*. P. 144–145).

⁸⁵ Экзамен этот носил название инаугурационного (*inauguralis*), поскольку успешно сдавший его обретал новый для него статус члена ученой корпорации, легитимированный присутствием и участием в диспуте университетских докторов и закрепленный соответствующими регалиями.

суждение более высоких степеней в них не было четко регламентировано)⁸⁶. Когда же инаугурационный диспут распространился на высшие степени, установился порядок, предписывавший его участникам определенные роли. Формально в диспуте участвовали две стороны: соискатель (*respondens*), защищавший суждения, представленные на суд собравшихся, и оппоненты (*opponentes*) – университетские доктора, которым надлежало эти положения оспаривать. В ходе диспута соискатель должен был продемонстрировать понимание его предмета, умение разъяснить выдвинутые тезисы, подкрепить их мнениями авторитетных авторов, рассеять сомнения и неясности относительно их содержания, которые могли возникнуть у оппонентов, и в конечном итоге доказать их истинность. Задача оппонентов, напротив, состояла в том, чтобы указать на ошибочность тезисов, вынесенных на обсуждение, невнятность их изложения, на содержащиеся в них противоречия или даже откровенные глупости.

На практике, однако, дело обстояло сложнее. В некоторых книгах XVII века сохранились изображения, дающие возможность понять, что помимо соискателя и оппонентов в диспуте участвовала и третья сторона. На одной из гравюр 1641 года, например, мы видим большой университетский зал, в центре которого находится подиум (*cathedra*). На подиуме на возвышении располагается председательствующий (*praeses*), а ниже его – соискатель (*respondens*). Перед ними на скамьях сидят доктора-оппоненты (*opponentes*), а сзади и по бокам, на специально отведенных местах, – особо важные персоны⁸⁷.

Положение председательствующего над всеми явно свидетельствует о его особой роли. Как недавно установили исследователи, эта роль действительно была исключительно важной, а нередко и определяющей исход диспута. *Praeses* не только следил за соблюдением установленного порядка дискуссии и объявлял ее итоги, но и в большинстве случаев составлял тезисы, которые защищал соискатель (т.е. *dissertatio*), а также, при необходимости, помогал ему с ответами в ходе дебатов⁸⁸. Считают, что на протяжении нескольких десятилетий в большинстве немецких университетов именно *praeses* был главным действующим лицом диспута – до тех пор пока, в последние десятилетия XVIII века, на смену

⁸⁶ Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University. P. 203.

⁸⁷ Ibid. P. 205.

⁸⁸ Латинский глагол *praesideo*, от которого происходит *praeses*, помимо «восседать впереди», «председательствовать», означает также «защищать», «охранять». Известно, что в некоторых германских университетах с конца XVII века диспуты происходили без *praeses*, однако такие университеты, по-видимому, составляли меньшинство.

прежнего порядка не пришла новая процедура защиты. С этого времени функции *praeses* постепенно трансформируются в функции научного руководителя диссертанта⁸⁹.

Om disputatio к disseratio, от устного слова к письменному. Исторически изменения в процедуре защиты шли рука об руку с изменениями текста диссертации, прежде всего, с увеличением ее объема. Со второй половины XVII века вместо выносимых на обсуждение кратких тезисов, занимавших всего несколько страниц, диссертации все чаще стали походить на небольшие ученые трактаты, в которых находилось место не только развернутой аргументации, но и приложениям, а также славословиям в адрес сановных покровителей. Такие диссертации уже невозможно было, как раньше, зачитывать в аудитории перед началом диспута, и это требовало изменения самого его порядка. Поскольку главное внимание с устного слова переносилось теперь на текст, пространная вступительная речь соискателя и последующие продолжительные дебаты становились ненужными. В результате со второй половины XVIII века начала складываться новая процедура защиты: главными в ней теперь стали выступления оппонентов, предварительно ознакомившихся с текстом диссертации, и ответы на них соискателя. Роль же председательствующего постепенно трансформировалась в чисто организационную. Одновременно сама диссертация, опубликованная и распространенная заранее, все больше приобретала самостоятельное значение, превращаясь в полноценный научный труд, не требующий пространных устных пояснений⁹⁰. Таким образом, можно вслед за Вильямом Кларком утверждать, что письменная диссертация родилась из устного диспута на присуждении ученой степени⁹¹.

То обстоятельство, что в научном дискурсе раннего Нового времени письмо потеснило устную речь, стало одним из условий появления диссертаций современного типа. Вторым условием стало признание культурой Просвещения человеческого Разума в качестве высшего мерила истины – оно способствовало превращению диссертаций из комментариев к корпусу канонических идей в источник новых научных знаний.

⁸⁹ Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University. P. 238. См. подробный анализ трансформаций диспута в XVIII веке: Marti H. Disputation und Dissertation. Kontinuität und Wandel im 18. Jahrhundert // Disputatio 1200–1800. Form, Funktion und Wirkung eines Leitmediums universitärer Wissenskultur / Hrsg. Marion Gindhart, Ursula Kundert. Berlin: De Gruyter, 2010. S. 63–88.

⁹⁰ Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University. P. 154.

⁹¹ Ibid. P. 204.

И в последующие десятилетия именно научное содержание опубликованных и защищенных диссертаций превратилось в важнейший критерий оценки уровня не только молодых ученых, но и научных школ, факультетов и университетов⁹².

Диссертация: физическая форма и структура. В качестве примера ранней, еще рукописной диссертации иногда приводят знаменитые 95 тезисов доктора Мартина Лютера, предназначавшиеся, правда, не для инаугурационного, а для общеуниверситетского диспута (который, как мы знаем, так и не состоялся). Составив и «опубликовав» их, Лютер собирался доказывать их истинность в качестве *praeses* (ответчиком, *respondens*, должен был быть кто-то из его учеников)⁹³. Что же касается самых ранних из известных нам печатных диссертаций, предназначавшихся для инаугурационных диспутов, то они представляли собой просто объявления о защите (впоследствии эти объявления трансформировались в титульные листы)⁹⁴. Практика публикации таких диссертаций утвердилась в германских университетах с середины XVII века. Первоначально они назывались «диспут» (*disputatio*), но вскоре почти повсеместно получили привычное название «диссертация» (*dissertatio*). Издавались диссертации обычно *in quarto* и имели титульный лист с указанием темы, университета, имени *praeses*, имени *respondens*, места и времени защиты и типографии, в которой были напечатаны. Объем их в середине XVIII века обычно колебался между двадцатью и ста страницами.

По своей структуре они могли быть просто перечнем тезисов, или же развернутым исследованием какой-то темы с приведением примеров и суждений других авторов, либо чем-то средним. В общем диссертации очень походили на хорошо известные сегодня российскому академическому сообществу авторефераты – как по своему оформлению в виде печатной брошюры, так и по содержанию, основу которого составляли развернутые «положения, выносимые на защиту».

Диссертацию, написанную для Франца Кевенхюллера Дильтеем, о которой речь шла выше, в данном случае можно считать типичным примером. То же самое можно сказать и о диссертации, защищенной самим Дильтеем – «О завладении имением за давностью» (*De usurpationibus et*

⁹² Chang K. From Oral Disputation to Written Text. P. 155–156.

⁹³ Ibid. P. 145, 147.

⁹⁴ Ibid. P. 147.

usucapionibus)⁹⁵, которая представляла собой комментарий к Дигестам. Содержание ее, правда, уместилось всего на 32 страницах, а если исключить из этого объема предваряющее основной текст посвящение диссертанта своему покровителю из знатного рода герцогов Монтекукколи и приведенные в конце общие положения универсального права, то собственно научного текста в ней оставалось меньше 20 страниц. Правда, нужно сказать, что это были именно «положения, выносимые на защиту», т.е. кратко сформулированные тезисы без подробных комментариев и пояснений – видимо, предполагалось, что эти комментарии и пояснения будут даны в ходе ученого диспута в ответ на непростые вопросы профессоров.

Из немногих сохранившихся документов мы можем узнать и о тиражах диссертаций того времени. Так, статут об основании медицинского факультета Геттингенского университета 1737 года определял, что из общего количества напечатанных экземпляров диссертации двадцать следовало предоставить королю и его правительству в Ганновере, семь – факультету, десять – председательствующему на защите *praeses* и шесть – другим профессорам факультета (должно быть, *opponentes*). Понятно, что соискатель заказывал в типографии еще сколько-то экземпляров дополнительно: для своих патронов, коллег, друзей, семьи и др. Таким образом, получалось, что общий тираж должен был составлять не менее 50 экземпляров. А если учесть, что некоторые диссертации, особенно те, где на титульных листах в качестве *praesides* значились имена известных профессоров, продавались в книжных магазинах, тиражи могли быть и большими⁹⁶.

Безусловно, помимо быстрого распространения книгопечатания, складыванию современных представлений о докторской диссертации способствовали существенные трансформации европейской академической культуры в целом, в частности, утверждение в ней превосходства письменного текста над устным диспутом, признание соискателя в качестве единоличного автора диссертации и требование оригинальности ее содержания. Эти трансформации привели к тому, что уже с середины XVIII столетия в некоторых немецких университетах место инаугурационного диспута как главного способа оценки кандидата стала занимать написан-

⁹⁵ С диссертацией Дильтея можно ознакомиться по ссылке: <http://www.europeana.eu/portal/record/9200332/BibliographicResource_3000095448046.html; http://digital.onb.ac.at/OnbViewer/viewer.faces?doc=ABO_%2BZ182304804>.

⁹⁶ *Chang K.* From Oral Disputation to Written Text. P. 157.

ная им диссертация. Упадку диспута способствовало также введение для него новых испытаний, санкционированных государством: экзамена, предваряющего защиту и призванного определить уровень квалификации будущего доктора (упоминавшийся *rigorosum*), а также постдокторских экзаменов на получение лицензий для медиков, юристов и служащих. К тому же, чтобы получить профессорское место, магистрам и докторам в некоторых университетах предстояло выдержать еще один экзамен – *disputatio pro loco*⁹⁷.

2.4. Авторы диссертаций

Среди вопросов, связанных с порядком присуждения ученых степеней в раннее Новое время, один из наиболее обсуждаемых – об авторстве диссертаций⁹⁸. Трудности, с которыми сталкиваются историки при поиске ответа на него, заключаются не только в том, что в рассматриваемый период еще не существовало четких определений авторства и законодательной регламентации авторского права⁹⁹, но и в отсутствии в культуре того времени самоочевидных для нас представлений об авторе как о конкретном человеке, являющемся единственным создателем произведения, обладающем исключительными правами на его содержание и несущем за это содержание ответственность¹⁰⁰. Сказанное в полной мере относится и к таким специфическим произведениям, как диссертации. Чтобы понять, что они собой представляли в XVII–XVIII веках, в чем заключаются трудности определения их авторства и какую роль авторство играло в процедуре присуждения ученых степеней, рассмотрим поближе один случай.

⁹⁷ Clark W. *Academic Charisma and the Origins of the Research University*. P. 203–204.

⁹⁸ Freedman J.S. *Published academic disputations*. S. 109–110.

⁹⁹ Первым законодательным актом об авторском праве считается британский «Статут королевы Анны» 1709 г., регулировавший права авторов и книгоиздателей (полное название – «Акт о поощрении учёности путём наделения авторов и покупателей правами на копирование печатных книг на нижеуказанный период времени»). Однако в континентальной Европе аналогичные законы появились значительно позднее. В германских государствах, например, они стали появляться только с 1840-х годов.

¹⁰⁰ Историки давно убедились в том, что автор – это не вневременное явление, а изменчивый продукт конкретных социокультурных контекстов, и что в эпохи, предшествующие современной, авторство понималось существенно иначе, чем сейчас. Сошлюсь в этой связи на два пионерских исследования французских историков: *Chenu M.-D. Auctor, actor, author // Archivium Latinitatis Medii Aevi (Bulletin Du Cange) 3 (1927). P. 81–86; Шартье Р. Письменная культура и общество / пер. И.К. Стаф. М.: Новое изд-во, 2006. С. 44–77.*

Dissertatio de plagio litterario. 6 августа 1673 года на философском факультете Лейпцигского университета состоялась публичная защита диссертации «О литературном воровстве», т.е. о плагиате. Ее текст в соответствии с установленным порядком был напечатан в одной из местных типографий и, как легко можно предположить, предварительно роздан всем, кому полагалось по университетскому регламенту. На титульном листе вверху указан жанр публикации – *dissertatio philosophica*, после чего крупными буквами идет название – *De plagio literario*¹⁰¹. *Затем чуть меньшим шрифтом – имя praeses, Якоба Томазия (Jacobus Thomasius), с подробным перечнем его титулов. Далее указано место и время проведения диспута, и лишь после этого идет имя соискателя, которому надлежало публично отвечать на вопросы представителей ученого сообщества (publice respondendo tuebitur), – некоего Иоанна Михаэля Рейнеля (Johann Michael Reinelius). В самом низу титульного листа значится место издания и имя владельца типографии (Lipsiae, Sumptibus Christoph. Enoch. Buchta). В целом ничего исключительного в оформлении этого титульного листа нет, его можно смело назвать типичным для своего времени. Что существенно отличает *De plagio literario* от других современных ей диссертаций, так это ее объем, превышающий средний в разы и составляющий без малого 280 страниц.*

Примечательно также и то, что в конце XVII века эта диссертация продавалась как ученый труд и имела немалый читательский успех. Спустя шесть лет после защиты Рейнеля, в 1679 году, в той же лейпцигской типографии Бухты она выходит вторым дополненным изданием¹⁰². Теперь на форзаце книги помещен большой гравюрный портрет Томазия, датированный 1674 годом, а первоначальный ее текст существенно дополнен (на целых 72 страницы). Обращает на себя внимание, что на шмуцтитуле, предваряющем эти дополнения, значится: «К диспуту м[агистра] Якоба Томазия “О литературном воровстве” прибавления» (*Ad Disputationem M[agistri] Jacobi Thomasii De plagio literario accessiones*). То есть диссертация, защищенная в 1673 году Рейнелем, названа здесь диспутом, в качестве автора дополнений фигурирует Томазий, а имя Рейнеля не упоминается вовсе. Еще через 13 лет, в 1692 году, это второе

¹⁰¹ Факультативные сведения, также присутствующие на титульном листе, я опускаю. С диссертацией можно ознакомиться по ссылке: <http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10528689_00005.html>.

¹⁰² См.: <<https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/item/WYOESNQJD55BG5LPKMYKLB6FM0XXTRA>>.

издание точно воспроизводится уже в другой, йенской, типографии¹⁰³. Что касается титульного листа этих двух переизданий, то они не претерпевают никаких изменений по сравнению с первой публикацией диссертации 1673 года.

Неизменным остается и ее содержание – использующее схоластические методы аргументации подробное разъяснение того, чем является литературное воровство. Плагиат определяется здесь как сознательное сокрытие имени подлинного автора текста, приводимого писателем, т.е. как частный случай обмана. Вслед за этим определением идет пояснение: у каждой категории людей грехи свои, этот же присущ исключительно писателям и ученым. Затем, вслед за Аристотелем, указывавшим на четыре причины, присутствующие в каждой вещи неразлично и тождественно с ней, в диссертации разъясняются четыре причины плагиата: движущая (*causa efficiens*), целевая (*causa finalis*), материальная (*causa materialis*) и формальная (*causa formalis*). На этой основе строятся различные классификации литературного воровства и приводятся многочисленные примеры каждой его разновидности, почерпнутые из сочинений древних и новых авторов.

Что касается спроса на эту диссертацию у читающей публики, то ему, по-видимому, способствовал общий интерес тогдашнего ученого мира к теме: в морально-философских и полемических трактатах XVII века рассматривались различные виды плагиата, его сравнивали с кражей и на разные лады подвергали осуждению¹⁰⁴. Но, очевидно, что популярности диссертации могли способствовать и ее научные достоинства, в частности, приведенные в ней многочисленные примеры из трудов известных авторов. Во всяком случае, вышедшее в 1706 году в Лейпциге с предисловием известного теолога Иоганна Франца Будде сочинение профессора университета Кобурга Иоганна Конрада Шварца не только фактически повторяло ее название, но и приводило пространные цитаты из нее¹⁰⁵. Кроме уже названных, важной причиной популярности *De plagio literario* было, судя по всему, и имя ее *praeses* – известного ученого-педагога, филолога и философа-аристотелика, профессора риторики и моральной фи-

¹⁰³ См.: <<https://download.digitale-sammlungen.de/pdf/1435304743bsb10651067.pdf>>.

¹⁰⁴ Kivistö S. The Vices of Learning. P. 118.

¹⁰⁵ Сочинение имело заглавие *De plagio literario liber unus* (см.: https://books.google.ru/books?id=CHBEAAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false).

лософии Лейпцигского университета, а позднее ректора знаменитой Школы Святого Фомы¹⁰⁶.

Но кто был автором этой диссертации, успешно защищенной 6 августа 1673 года Рейнелем? Сказанное выше позволяет лишь строить догадки: никаких прямых свидетельств, которые помогли бы определенно ответить на этот вопрос, похоже, не сохранилось. Тем не менее историки практически единодушно считают, что это был председательствовавший на защите Томазий, а вовсе не Рейнель, получивший за защиту ее основных тезисов степень магистра философии. И такой их вывод представляется вполне убедительным: труд, демонстрирующий виртуозное владение Аристотелевой логикой и великолепное знакомство с сочинениями десятков авторов, начиная с древних и заканчивая современными, вряд ли мог написать безвестный студент¹⁰⁷.

Почему praeses? Случай с авторством *De plagio literario* вовсе не является исключительным. Историки имеют достаточно оснований утверждать, что вплоть до середины XVIII века диссертации чаще всего писались университетскими профессорами, председательствовавшими на диспутах в качестве *praesides*¹⁰⁸, и что за написание диссертаций они, скорее всего, получали от кандидата отдельную плату¹⁰⁹. Чтобы лучше понять, почему имело место такое положение вещей и почему подобная практика не считалась обманом, обрисуем в общих чертах требования, предъявлявшиеся к соискателю ученой степени в ходе диспута.

В первую очередь, он должен был продемонстрировать свое понимание содержащихся в диссертации мнений Аристотеля, Галена, Плиния и других ученых авторитетов древности и современности, а также суждений *praeses*, который, как было сказано, чаще всего и являлся настоящим автором. Причем никаких оригинальных суждений от соискателя

¹⁰⁶ Примечательно, что Томазий был среди первых ученых, объявивших, что диссертация должна представлять собой не краткие тезисы для диспута, а самостоятельный научный трактат.

¹⁰⁷ Впрочем, в сегодняшних библиотечных каталогах единодушия по поводу того, кого следует считать автором диссертации, нет. В большинстве случаев называются оба имени, причем в разном порядке: чаще всего – Томазий и Рейнель, но встречается также – Рейнель и Томазий. И совсем редко один Рейнель. В каталоге Библиотеки Конгресса издание 1679 года значится под именем Томазия с уточнением: *praeses*; Рейнель же фигурирует в разделе *related names* как *respondent*. Однако издание 1692 года описано здесь как сочинение Рейнеля, а Томазий значится в нем как *praeses* в разделе *related names*.

¹⁰⁸ Chang K. From Oral Disputation to Written Text. P. 129.

¹⁰⁹ Ibid. P. 151.

не требовалось¹¹⁰. То есть чтобы получить степень, кандидату достаточно было отстоять правоту положений, автором которых он не являлся. Главным же квалификационным требованием к будущему доктору или магистру, помимо демонстрации осведомленности о содержании диссертации, было умение отвечать на каверзные вопросы оппонентов и уверенно держаться на публике. Сильно упрощая, можно сказать, что *praeses*, сочиняя диссертацию, готовил «экзаменационные вопросы», а соискатель устно отвечал на них перед «комиссией» (в случае необходимости *praeses* мог ему помогать)¹¹¹.

«*Фабрики диссертаций*». В некоторых университетах инаугурационные диспуты происходили настолько часто, что профессора не успевали писать для них диссертации. Так, по подсчетам Ку-минг Чана, один из профессоров медицинского факультета университета в Галле за 20 лет работы (речь идет о конце XVII – начале XVIII века) был руководителем диссертаций 159 студентов. Если предположить, что в среднем объем диссертации составлял 50 страниц и что одни и те же диссертации на защитах не повторялись (хотя известно, что такие случаи бывали), то каждый год ему приходилось сочинять примерно по 400 страниц печатного текста *in quarto*, т.е. солидный том. А если также учесть, что профессора должны были еще читать лекции, проводить студенческие диспуты, сочинять ученые трактаты, заседать на университетских собраниях, то времени на написание диссертаций оставалось у них совсем не много¹¹². Правда, поскольку требование оригинальности к содержанию диссертаций, как уже говорилось, не предъявлялось, профессор мог варьировать в разных диссертациях сформулированные ранее тезисы.

Если сравнить количество диссертаций, защищенных в германских землях в XVIII веке, с количеством профессоров в них работавших, становится очевидным, что последние чисто физически не смогли бы произвести на свет такое множество текстов. Очевидно, что какую-то их часть писали сами соискатели, но вряд ли очень значительную. Очевидно также, что диссертации для соискателей писали еще и сторонние авторы – скорее всего это были *eruditi viri*, имевшие ученые степени, но не

¹¹⁰ Ibid. Новизны в содержании диссертаций не требовалось и в более поздний период – в конце XVIII столетия, когда распространилась практика их написания самими кандидатами по одобренному профессором плану. Главная задача, стоявшая перед их авторами, состояла не в том, чтобы привнести в мир новое знание, а чтобы дать еще одно аргументированное толкование общепризнанных истин.

¹¹¹ *Chang K.* From Oral Disputation to Written Text. P. 151.

¹¹² Ibid. P. 153.

получившие университетских должностей. Во всяком случае, историки уверенно говорят о существовании в Германии того времени фабрик диссертаций (*Dissertation-Fabriken*), предоставлявших широкие возможности богатым и тщеславным купить готовые работы по фиксированным ценам¹¹³.

От профессорских диссертаций к диссертациям соискателей. Как уже было сказано, в позднее Средневековье для получения степени магистра или доктора, написания диссертации от соискателей обычно не требовалось. Стоявшая перед ними задача сводилась к тому, чтобы в ходе диспута максимально убедительно защитить правоту тезисов, сформулированных профессорами. Это считалось само собой разумеющимся, поскольку предполагалось, что студент просто не в состоянии сочинить ничего заслуживающего внимания ученого сообщества. И даже еще в XVIII веке самостоятельное написание диссертации студентом могло рассматриваться как вызов этому сообществу. Когда же к концу столетия студенческие диссертации начали вытеснять профессорские, профессора стали жаловаться на снижение их научного качества¹¹⁴.

Если посмотреть на положение вещей в более ранний период, то для уяснения соотношения докторских и студенческих диссертаций можно обратиться к соответствующим положениям из статута Марбургского университета 1653 года¹¹⁵. Согласно им, писать диссертации на богословском факультете надлежало председательствующим на защите *praesides*; самим же студентам делать этого не позволялось (*Ipsi praesides conscribant disputationes: studiosis ne permittant scribendas*)¹¹⁶. Впрочем, при наличии веской причины, исключение могли составлять студенты, проучившиеся в университете длительное время и продемонстрировавшие основательность полученных знаний – но лишь с разрешения фа-

¹¹³ Ibid. P. 154; *Clark W.* Academic Charisma and the Origins of the Research University. P. 208. Впрочем диссертации, независимо от того, кем они были написаны, до диспута должны были получить одобрение соответствующего факультета.

¹¹⁴ *Rasche U.* Geschichte der Promotion in absentia. Eine Studie zum Modernisierungsprozess der deutschen Universitäten im 18. und 19. Jahrhundert // Examen, Titel, Promotionen. S. 198.

¹¹⁵ Здесь и далее цит. по: *Hörn E.* Die Disputationen und Promotionen an den Deutschen Universitäten vornehmlich seit dem 16. Jahrhundert. S. 59.

¹¹⁶ Как уже было сказано, с конца XVII века в некоторых университетах диспуты происходили без *praesides*. Однако это не обязательно означало, что ответственность за содержание защищаемой диссертации кандидат нес единолично: она могла быть написана либо одним из профессоров университета, либо кем-то еще (*Chang K.* From Oral Disputation to Written Text. P. 151).

культета (*nisi forte ex singulari eaque gravi causa veteranis, quorum probe perspecta est eruditio, hac parte aliquid de facultatis consensu concedendum judicetur, idque etiam non crebro*)¹¹⁷. Приоритетность авторства профессоров находит подтверждение также и в документах более позднего времени. Так, упомянутый выше профессор медицины университета Галле в конце своей жизни (ум. в 1734) сообщал, что большинство защищенных под его руководством диссертаций было написано им самим, остальные – студентами по его плану¹¹⁸.

Надо сказать, что превращение соискателей в единоличных авторов диссертаций не было линейным процессом: в одно и то же время и в одном и том же университете это мог быть и профессор, и студент. Обратимся в этой связи к двум примерам диссертаций начала XVIII века, которые приводит Вильям Кларк¹¹⁹. Особенность их состоит в том, что на титульных листах обеих помимо традиционных обозначений председательствующего (*praeses*) и соискателя (*respondens*) присутствует указание авторства (*auctor*). Причем в обоих случаях автором выступает один и тот же человек, Иоганн Тшантер (Johann C. Tschanter): в первой он значится как соискатель и автор (*respondens et auctor*), во второй – как автор и председательствующий (*auctor atque praeses*).

Первая диссертация, *De eruditis studiorum intemperie mortem sibi accelerantibus, dissertatio I, eaque historica* («Об ученых, которые ускорили свою смерть чрезмерными занятиями. Часть I, историческая»)¹²⁰, была представлена на суд докторов и магистров Лейпцигского университета в октябре 1704 года¹²¹. Имя *praeses*, Готтфрида Бётнера (Gottfried Boettner), стоит на титульном листе отдельно, что, скорее всего, говорит о его неучастии в написании работы¹²². Вторая – *De eruditis studiorum intemperie mortem sibi accelerantibus, dissertatio II, eaque physica* («Об

¹¹⁷ На юридическом и медицинском факультетах ограничения для авторства студентов были менее строгими: *Studiosis, cum primis veteranis, ut disputationes ipsimet conscribant, eadem a Praeside et Decano Facultatis approbatas imprimi eurent, permittitor.* – Höm E. Die Disputationen und Promotionen an den Deutschen Universitäten vornehmlich seit dem 16. Jahrhundert. S. 59.

¹¹⁸ Chang, K. From Oral Disputation to Written Text. P. 152.

¹¹⁹ Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University. P. 208–210.

¹²⁰ См.: http://reader.digitale-sammlungen.de/en/fs1/object/display/bsb10642361_00002.html.

¹²¹ Тшантер получил степень бакалавра только 1 декабря 1703 года (Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University. P. 208).

¹²² На amazon.com (факсимильное издание 2011 года) Готтфрид Бётнер представлен как автор (author), а Иоганн Тшантер как создатель (creator).

ученых, которые ускорили свою смерть чрезмерными занятиями. Часть II, физическая») ¹²³ – была защищена там же 30 декабря следующего 1705 года, но уже под председательством магистра Тшантера, причем, как уже было сказано, он являлся не только председательствующим, но и автором работы (*auctor atque praeses*) ¹²⁴. В качестве соискателя степени (*respondens*) на титульном листе значится некий Иоганн Христофор Вольф (Johann C. Wolf). Но поскольку автором этой второй диссертации назван Тшантер, можно с большой долей уверенности предположить, что Вольф никакого участия в написании диссертации не принимал и, как и большинство других соискателей, получил ученую степень лишь за устное отстаивание ее положений в ходе диспута. На то, что автором обеих диссертаций был именно Тшантер – сначала в качестве *respondens*, потом *praeses*, – указывает и их содержание: фактически это одно сочинение в двух частях. И все же нельзя полностью исключить того, что их автором был кто-то другой – какой-то безвестный труженик одной из «фабрик диссертаций».

2.5. Рождение современной ученой степени

Главные социальные, культурные и интеллектуальные перемены, способствовавшие появлению ученой степени современного типа, по мнению большинства исследователей, произошли во второй половине XVIII века. В результате этих перемен «героический театр» устного диспута уступил место прозаической процедуре публикации научного труда, а соискатель из толкователя чужого сочинения превратился в самостоятельного создателя научного текста ¹²⁵. Этому во многом способствовали развитие книгопечатания и идеология Просвещения, придавшая научному знанию мощные рациональные и секулярные импульсы. В результате на смену старому понятию доктора как моральной и юридической персоны пришло понятие доктора как автора диссертации и создателя нового научного знания. Теперь его собственные мысли, а не повторение чужих, умение вести устный спор и хорошо держаться на публике ста-

¹²³ См. <http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb11173314_00001.html>.

¹²⁴ Тшантер получил степень магистра 5 мая 1705 года (*Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University*. P. 208).

¹²⁵ *Ibid.* По мнению Кларка, окончательный перенос авторства диссертации от *praeses* к *respondens* завершился к 1800 году (*Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University*. P. 238).

новятся важнейшими критериями присуждения высшей академической степени. Что касается прежних привилегий университетского ученого сословия, то они отмирают вместе с наступлением новой эпохи, провозгласившей равенство всех перед законом¹²⁶. Одновременно утрачивают свое символическое значение и сопутствующие диспуту торжественные ритуалы, постепенно трансформируясь в чисто бюрократические процедуры. В австрийских университетах к 1785 году отменяются клятвы докторов, со времен Средневековья являвшиеся обязательной частью инаугурационных церемоний. А в Баварии с 1804 года, помимо отмены большинства клятв, отменяются и церемониальные докторские одежды¹²⁷. С XIX века в германских университетах вместо принесения кандидатом клятвы в том, что он законнорожденный, от него начинают требовать собственноручно подписанное свидетельство о том, что он является автором представленного к защите диссертационного труда¹²⁸.

Новые требования к обладателю докторской степени были сформулированы И.Г. Фихте в его плане создания высшего учебного заведения в Берлине¹²⁹. В нем философ особо оговаривал, что помимо сдачи экзаменов, кандидату необходимо *самолично* написать диссертацию, а затем публично защитить ее основные положения перед комиссией¹³⁰. Причем содержание диссертации, по Фихте, следовало оценивать не только с точки зрения эрудиции автора и его усердия – это должен быть шедевр наподобие совершенного творения средневекового ремесленника.

Новое представление о научном знании, а также возникшее в эпоху Романтизма представление о человеке как о единственной и неповторимой личности, рождало и требование оригинальности его творений¹³¹.

¹²⁶ Прежние привилегии сменились преференциями, основанными на меритократическом принципе: после национализации образования в германских странах ученое звание получает официальное признание и становится важным преимуществом при получении государственных должностей (см.: *Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University*. P. 202, 203).

¹²⁷ *Ibid.* P. 202.

¹²⁸ *Ibid.* P. 210.

¹²⁹ *Fichte J.G. Deduzierter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höhern Lehranstalt (1807) // Gründungstexte: Johann Gottlieb Fichte, Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher, Wilhelm von Humboldt. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin, 2010. S. 9–122 <http://edoc.hu-berlin.de/miscellanies/g-texte-30372/all/hu_g-texte.pdf>.*

¹³⁰ Фихте в данном случае говорил о степени доктора философии, однако его требования носили универсальный характер.

¹³¹ Фихте выдвинул это требование к ученому в своем труде «О природе ученого» (*Fichte J.G. Über das Wesen des Gelehrten, und seine Erscheinungen im Gebiete der Freiheit:*

Фихте, правда, считал, что тему диссертации соискателю в большинстве случаев следует получать от своего наставника, но он также был убежден, что этот наставник не должен занимать место председательствующего в ходе защиты. Эти новые представления об ученой степени, вскоре воплотившиеся в деятельности нового Берлинского университета, однозначно гласили: главным критерием ее присуждения являются интеллектуальные заслуги кандидата, продемонстрированные в его диссертации¹³². Массовое воплощение этой программы в жизнь относят, впрочем, к более позднему периоду: середине – второй половине XIX века¹³³. Хотя единодушного мнения по поводу точного времени, когда современное понимание докторской степени стало нормой у исследователей, нет. Единственное, в чем они согласны, так это в том, что процесс его рождения был долгим и трудным. И в качестве одного из доказательств этого указывают на слова знаменитого историка, профессора того же берлинского университета Теодора Моммзена, который еще в 1876 году с негодованием писал о существовании в Германии «фабрик», которые производят «псевдодокторов»¹³⁴.

2.6. Были ли ученые степени, присужденные до Нового времени, фальшивыми?

После сказанного об ученых степенях раннего Нового времени и отличиях процедуры их присуждения от принятой сегодня пора спросить: а следует ли считать их фальшивыми? Иначе говоря: стоит ли предъявлять сегодняшние научные и нравственные требования к их обладателям, содержанию защищенных диссертаций, авторам этих диссертаций, процедуре инаугурационного диспута, председательствовавшим на нем, выступавшим в качестве оппонентов, а также университетам и ученому миру того времени в целом? Что касается научных требований, то ответ

in öffentlichen Vorlesungen, gehalten zu Erlangen, im Sommer-Halbjahre 1805. Berlin: in der Himbürgischen Buchhandlung, 1806).

¹³² Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University. P. 169.

¹³³ По мнению Кларка, ментальность современного академического сообщества складывалась в период с 1770-х по 1830-е годы (Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University. P. 220). Однако завершение формирования современных представлений об ученой степени исследователи относят лишь ко второй половине XIX столетия (Schwings R. Chr. Promotionen in historischer Perspektive: Organisation und Gesellschaft // Der Dokortitel zwischen Status und Qualifikation. S. 20).

¹³⁴ Mommsen Th. Reden und Aufsätze. Berlin: Weidmann, 1905. S. 402–409.

представляется достаточно очевидным: конечно, нет – слишком непохожими на современные были тогдашние наука и научное сообщество¹³⁵.

Менее очевидна нравственная сторона дела, в первую очередь все связанное с покупкой соискателями диссертаций, написанных третьими лицами. Считалась ли она в XVII–XVIII веках, как сейчас, откровенным подлогом? Скорее всего, нет. Ведь тогда, в отличие от сегодняшнего дня, из этого не делали большой тайны. К тому же, от будущих магистров и докторов, как уже не раз было сказано, и не требовалось, чтобы они были авторами защищаемых работ. С осуждением современниками практики покупки/продажи магистерских и докторских степеней тоже далеко не все ясно. Ведь проведение инаугурационного диспута предполагало уплату кандидатом университету немалой суммы. В этом смысле он «покупал» свою степень, даже если сам был автором диссертации и блестяще отвечал на каверзные вопросы оппонентов без помощи *praeses*. Смущало ли критиков то, что диспут превратился в формальную процедуру? Или что, заплатив сверх установленной суммы, соискатель покупал благосклонность *praeses* и оппонентов? А может быть, речь шла об «облегченных» формах присуждения степеней – *per saltum* и *in absentia*? Пытаясь найти ответы на все эти вопросы, нельзя забывать еще и о том, что в Европе раннего Нового времени продавались не только ученые степени, но и государственные должности, дворянские титулы, отпущения грехов, причем делалось это отнюдь не тайно. Практика эта, правда, вызывала осуждение определенной части общества, но все же не считалась преступным обманом. Более того, у другой его части она, напротив, находила поддержку¹³⁶. Да и с плагиатом в диссертациях

¹³⁵ Об историко-культурных особенностях научного знания XVIII века см.: Porter R. Introduction // The Cambridge History of Science. Vol. 4: Eighteenth-Century Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 1–20.

¹³⁶ В качестве примера, относящегося к более раннему периоду, можно привести практику продажи индульгенций, правомерность которой обосновывалась Католической церковью учением о сверхдолжных добрых делах и беспощадно критиковалась Лютером и его сторонниками. Позднее продажа титулов, чинов и должностей светскими государями стала широко практиковаться как источник пополнения казны: в Испании при Габсбургах, Англии при Стюартах, во Франции на протяжении двух столетий, предшествовавших Революции 1789 года. По свидетельству Николая Ивановича Греча, эта практика не была искоренена здесь и после революции. «Ныне все зловредные следствия продажи чинов, – сообщает он в письме из Франции 1806 года, – терзают государство, и нет средства к избавлению. Король не в состоянии возратить денег, взятых за продажу; а не возвратив денег, нельзя отнять проданное». И заключает: «...Опыт доказал, что продажа чинов во Франции есть зло нужное и ничем неотвратимое» (Греч Н.И. Учебная

дело обстояло неоднозначно. Хотя университетские профессора, как мы видели, осуждали его как порочную практику и, случалось, обвиняли в нем своих коллег, нам не известно, чтобы «литературное воровство» имело для кого-то из них серьезные последствия, не говоря уже о судебных разбирательствах¹³⁷. Что же касается обнаружений плагиата в диссертациях, то если такое и имело место, это не привлекало общественного внимания. Похоже, всеобщее осуждение и целенаправленная борьба с диссертационным плагиатом относятся к явлениям сравнительно недавнего времени.

Сказанное, конечно, не следует понимать так, что фальшивых ученых степеней в XVIII веке, в отличие от сегодняшнего дня, не существовало или что они были редкостью. Просто сама «фальшивость» понималась тогда иначе.

3. Ответы

Вернемся теперь к трем сюжетам из первой части этой работы, чтобы попытаться ответить на возникшие в начале недоумения. Не забывая при этом, что время, к которому они относятся – 1750–1760-е годы – было переходным для становления ученой степени современного типа: старое и новое существовали тогда бок о бок.

3.1. Казус Лангера

«Градус» доктора юриспруденции заочно. Не вызывает сомнений, что обращение Адодурова к имевшему обширные связи в немецком ученом мире Миллеру с просьбой о содействии в получении ученой степени Лангером «заочно» совсем не обязательно имело в виду совершение подлога – скорее всего, речь шла о получении «градуса» *in absentia*. Соответственно, смысл его просьбы мог быть примерно таким: не изволит ли г-н Миллер посоветовать Лангеру, в какой университет и к какому профессору следует обратиться с соответствующим запросом? Очевидно,

книга российской словесности, или избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики, и истории российской словесности, изданные Николаем Гречем. Ч. 1. СПб., 1819. С. 79).

¹³⁷ Здесь уместно напомнить, что и понятие «плагиат» не имеет юридического смысла, поскольку не существует ни в уголовном, ни в гражданском праве.

имелось в виду также присуждение степени *per saltum*: хотя обучение Лангера в университете Йены и имеет документальное подтверждение¹³⁸, сведения о получении им предшествующих степеней бакалавра или магистра отсутствуют как в Йенском, так и в Гейдельбергском университете.

Правда, тут же возникает вопрос: как мог Лангер получить докторский «градус» в сжатые сроки, на чем настаивал Адодуров? Исследования по истории присуждения степеней в XVIII веке и здесь могут подсказать ответ: написание диссертаций «на заказ» не занимало много времени, не исключено к тому же, что Лангер мог приобрести готовый текст, созданный на одной из *Dissertation-Fabriken*. В любом случае, это были не месяцы, а, скорее, недели.

Самозванство. Второй «темный» эпизод, также связанный с Лангером, – это его самозванство. Как было сказано выше, через некоторое время после вступления в профессорскую должность он, по-прежнему не имея докторской степени, стал называться в объявлениях о лекциях доктором права. Как это понимать? Что он самовольно присвоил себе ученую степень (читай, пошел на подлог)? Может быть, он сделал это «с подачи» Адодурова, которому, как мы знаем, было нужно, чтобы юридические науки в университете читал доктор юриспруденции?

На этот вопрос ответ найти сложнее. С определенностью можно констатировать только то, что в первые десятилетия работы университета такого рода самозванство было далеко не единичным случаем. Так, доктором философии именовал себя ректор гимназии профессор Шаден, имевший лишь магистерскую степень¹³⁹. Сразу после поступления на службу (в 1757 году) самовольно присвоил себе докторскую степень и профессор Фромман (в объявлениях о лекциях он называл себя «доктором философии», хотя получил докторскую степень в Тюбингенском университете только десять лет спустя, в 1766 году, уже после отъезда из России)¹⁴⁰. Но эти случаи были, конечно, все же исключениями. В со-

¹³⁸ Имя Лангера значится в матрикуле Йенского университета как *Carolus Henricus Langer; Blitz-Silesius* – Die Matrikel der Universität Jena / Bearb. von Otto Köhler. Bd. 3: 1723 bis 1764. Weimar: G. Fischer, 1992. S. 75.

¹³⁹ История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Т. 2. С. 294.

¹⁴⁰ Его диссертация была посвящена наукам в России и кроме прочего содержала сведения о первых годах Московского университета <<https://play.google.com/books/reader?id=1yJQAAAAcAAJ&printsec=frontcover&output=reader&authuser=0&hl=ru&pg=GBS.PP1>>.

ответствии с установленным порядком документальные свидетельства о присуждении магистерских и докторских степеней, а также опубликованные тексты диссертаций должны были включаться в профессорское досье и храниться в канцелярии¹⁴¹. Причем, если кто-то из профессоров их при себе не имел, они могли быть затребованы по запросу куратора или директора университета из-за границы. Впрочем, если в силу каких-нибудь обстоятельств руководство не было заинтересовано в документальном подтверждении ученой степени профессора, оно могло эти документы и не запрашивать. В таких случаях университетское начальство, по-видимому, довольствовалось устными заверениями о наличии ученых заслуг (в цитированном протоколе Конференции от 29 октября 1765 года о приеме Лангера туманно сказано, что «он частично представил такие доказательства г. куратору до своего поступления»).

Не исключено еще, что одной из причин распространенности самовольного присвоения профессорами степеней было отсутствие какого-либо единообразного документа, подтверждавшего их наличие – наподобие сегодняшнего докторского диплома. Вместо него окончившим обучение и получившим высшую степень выдавались аттестаты, существенно отличавшиеся по форме и содержанию от университета к университету. Эти документы не имели унифицированного названия, были пространны, написаны высоким слогом и включали самые разные сведения: о происхождении новоиспеченного доктора, месте его рождения, успехах в учении, благочестии, нравственных достоинствах. А иногда еще и краткое описание успешной защиты и церемонии награждения. Подтверждение же присуждения ему докторской степени почти теряется в этом обилии разнородной информации и славословий.

В качестве примера такого документа можно привести аттестат Филиппа Дильтея, полученный им в Инсбрукском университете в 1753 году. Неуклюже переведенный с латыни кем-то из ассессоров Московского университета, он хранился в его канцелярии. Любопытно, что переводчик, следуя немецким образцам, называет аттестат «патентом», т.е. свидетельством, дающим право заниматься какой-либо деятельностью, хотя в латинском оригинале он обозначен просто как «документ» (*litteris*):

Мы, Карл Леопольд Пихлер, уроженец и житель Рунгской, обоих прав Доктор и в знаменитом Леопольдовом Инспрукском Университете Собрания законов и Розыскных дел Ординарной и Публичной профессор, Судебного фа-

¹⁴¹ Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. 1917 г. С. 21.

култета нынешнего времени Декан, и протчии Докторы и Профессоры Прав, всем тем, кои патент сей видеть, читать или чтенной слушать будут, здравия от Г[о]с[по]да желаем.

Хотя священнейший оный добродетели с науками союз и кроме того от изобилнейших плодов познается и от всех благосклонность, приязнь и достодолжную похвалу удобнейше получает; однако самая благопристойность требует приличными похвалами тех превозносить, кои пред протчими в науках превзошли и первенство себе присвоить право имели. В числе таковых представляется здесь благороднейший и почтеннейший Г[о]с[по]дин Филип Генрик Дилтей, уроженец Шерстенской в уезде Рейнгау, свободных наук и философии магистер, который по годищном в помянутом нашем Университете изучении обоих прав с превосходным и явно доказанным успехом и по употреблении крайняго своего к судебной науке прилежания по от[ъ]езде своем в Страсбургском через один, а потом в Венском Университете через целыя три года, возвратившись ныне паки в вышеупомянутый наш Университет, просил, чтоб для увенчания понесенных в науках трудов его, а особливо по совершении в пять лет, как выше об[ъ]явлено, всего судебного учения, дозволено было ему войтить в спорныя предложения из всей науки о правах и наконец допустить его к самому строгому экзамену.

Получа желаемое, превосходный сей муж, во первых, на отправляемых публичных диспутах без главнаго начальника, но толко от самага дефендента с превосходною его похвалою сочиненными предложениями так совершенно и основательно на предлагаемая ему сильнейшия трудности ответствовал, что тотчас на другой день без всякаго предварительнаго опыта к строжайшему самому представлен был экзамену, на котором также все и самыя труднейшия вопросы с таким опять искусством и твердостью глубокаго учения решил и толь совершенное во всех частях науки о правах превосходство как на письме, так и на речах показал; что казалось, будто бы он, общее состояние ученика превзошед, единственно к сей толко науке рожден и сотворен был. И для того по единогласному экзаминиующих особ желанию с превосходною похвалою и славою апробирован и гораздо достойнейшим пред всеми почтен в сей науке на высокий степень чести быть возведенным. А как по прошествии некотораго времени пожелал он докторского чину, то мы за превосходные его заслуги охотнейше на желание его склонились. И так по прочтении им, в силу установлений Пия Четвертаго Папы Римского, исповедания православной веры и по учинении законных обещаний нижеписанного числа, м[е]с[я]ца и года, получа прежде дозволение от Превосходительнейшаго знаменитаго сего Университета Проканцлера, в присутствии всех Докторов, Профессоров и протчаго знатнейшаго собрания от меня, вышеписанного Декана Судебнаго почтеннейшаго Факултета, тот же благороднейший Г[о]с[по]дин Филип Генрик Дилтей публично и торжественно обоих прав Доктором произведен, поставлен и об[ъ]явлен и, получив докторские знаки и украшении, сверх того пожалован и почтен всеми и каждыми привелегия-

ми, свободами и преимуществами, по праву или по обыкновению других, а особенно Австрийских Университетов, к сему докторскому чину принадлежащими.

А как к превосходному в науках знанию еще всегда присовокуплял он и отличное добронравие, горячую к Богу любовь, почтенное к вышним послушание и отменное ко всем почтение и вел жизнь[ь] толь совершенную и приятную, что всех к себе в почтение и любовь привел, то мы по самой справедливости достойным его признали, чтобы при от[ъ]езде его отсюда дать ему о превосходном его во всем знании сей патент с приложением большой нашего Факултета печати и за обыкновенным Академическаго Нотариуса подписанием. Дан в Инспруке 22 августа 1753 года¹⁴².

Наряду с такого рода официальным дипломом, свидетельством наличия ученой степени могли быть также письма, составленные профессорами, у которых учился доктор и с помощью (под руководством?) которых защитил свою диссертацию. Такие письма тоже назывались «аттестатами») и в них тоже не только констатировался факт присуждения степени, но и содержались сведения об успехах соискателя в учебе, о его эрудиции и т.д. Несколько профессорских аттестатов (два из них за подписью Карла Линнея, уже в то время знаменитости европейского масштаба), наряду с аттестатами от университета, заверенными подписью ректора и печатью, в 1767 году прибыли в Москву из Упсалы, где завершили начатое в Московском университете обучение Матвей Александрович Афонин и Александр Матвеевич Карамышев. В протоколе заседания Конференции читаем, что помимо диссертаций, «публично защищавшихся ими в мае месяце минувшего года», университетом были получены «также пять аттестатов от различных упсальских профессоров о занятиях и поведении означенных студентов, каковыя свидетельства... будут храниться в делах Конференции»¹⁴³.

Приведу здесь целиком два аттестата, написанных Линнеем:

Настоящим свидетельствую, что сего 17 мая благородный русский студент г. Матвей Афонин в Упсальской академии успешно защитил под моим руководством диссертацию «О применении естествознания в общественной жизни», и защитил ее при единогласном одобрении и рукоплесканиях всей

¹⁴² История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Т. 2. С. 229–230.

¹⁴³ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. С. 24–25.

аудитории, и я искренне желаю, чтобы этот нелегкий труд принес ему законную награду.

Дано в Упсале 1766 года июня 10 дня.

Карл Линней, кавалер, архиатр¹⁴⁴ и профессор Королевской Упсальской академии¹⁴⁵.

Второй по форме и содержанию мало отличается от первого, однако не повторяет его буквально:

Свидетельствую, что 16 мая сего года благородный русский студент господин Карамышев, юноша выдающихся дарований, не только публично защищал с кафедры Упсальской Академии в присутствии всех слушателей диссертацию «О необходимости изучения естественной истории России» под моим научным руководством, но и что защитил он ее таким образом, что мне не пришлось добавить ни слова.

В Упсале, 1766 года июля 20 дня

Карл Линней, кавалер, архиатр и профессор в Упсале¹⁴⁶.

В общем письменные свидетельства о присуждении докторских степеней в середине XVIII в., хотя и не имели строго унифицированной формы, но все же существовали и могли быть затребованы канцелярией Московского университета. Особенно когда речь шла о русских студентах, обучавшихся за границей за казенный счет: помимо прочего, аттестаты требовались для документального подтверждения понесенных университетом расходов. Однако очевидно, что никаких письменных свидетельств получения ученых «градусов» у какой-то части профессоров университета не было. Это обстоятельство, впрочем, не мешало им считать себя их обладателями.

3.2. Казус Дильтея / Кевенхюллера

Понятно, что описанный выше порядок присуждения ученых степеней не составлял тайны не только для Адодурова и Миллера, но и для Шувалова – не говоря уже о Бюшинге. Во всяком случае, все они были осведомлены о существовавшей практике написания диссертаций сторонними лицами и не видели в ней ничего предосудительного (тем более

¹⁴⁴ В данном случае – главный королевский медик.

¹⁴⁵ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. С. 27.

¹⁴⁶ Там же. С. 30.

противоправного). Правда, сначала я считал иначе. Мне казалось, что сообщение Бюшинга Миллеру об авторстве «диспута» Кевенхюллера не предназначалось для широкой огласки, поскольку было адресовано давнему знакомому – так сказать, *entre nous*¹⁴⁷. Но когда я позднее узнал, что Миллер показал это письмо Шувалову и после этого сообщил Бюшингу, что изложенные в нем сведения о Дильтее были встречены камергером самым благосклонным образом, стало ясно, что это не так. Все участники истории с приглашением его в университет не видели в ней ничего из ряда вон выходящего – такой в их время была распространенная практика. К тому же на титульных листах диссертаций, как уже отмечалось, автор в большинстве случаев не указывался: они содержали только имя диспутанта и председательствующего (если таковой был). На титульном листе диссертации, защищенной Кевенхюллером, также нет указания на ее автора (как, впрочем, и председательствующего – по всей видимости, диспут проходил без *praeses*). Сказано лишь, что граф будет публично защищать ее положения (*publice propugnandam suscepit*). Таким образом получается, что и Дильтей, и его подопечный «играли по правилам».

Сложнее обстоит дело с цитировавшейся выше рецензией на защиту Кевенхюллера в «Геттингенских ученых известиях»: в ней не только прославляются высокие достоинства молодого графа, но и, вопреки истине, он недвусмысленно называется автором (*Verfasser*) превосходного сочинения. В данном случае обман вполне очевиден – не вполне очевидны только его мотивы. Богатый отпрыск щедро заплатил анонимному рецензенту за право слыть автором ученого труда? Или этот рецензент просто захотел получить благосклонность сановной особы и выдал желаемое за действительное? А может быть, этим рецензентом-обманщиком (небескорыстно, конечно) был сам Бюшинг?

3.3. Экспертиза Кершенса и экзамены новоиспеченным докторам

Распространенная практика написания диссертаций третьими лицами и повсеместные сетования на покупку докторских степеней стали, по-видимому, одной из причин сомнений Адодурова в квалификации

¹⁴⁷ Ко времени написания его письма оба были хорошо знакомы – Бюшинг несколько месяцев жил в Санкт-Петербурге в 1750 году, затем между обоими корреспондентами велась переписка (см.: *Geographie, Geschichte und Bildungswesen in Russland und Deutschland im 18. Jahrhundert: Briefwechsel Anton Friedrich Büsching – Gerhard Friedrich Müller, 1751 bis 1783*. Berlin: Akademie Verlag, 1995).

Вениаминова и Зыбелина и проведения экспертизы диссертаций обоих. Если так, то задание Керштенсу выглядит вполне понятным. Тем более, что университетом на их обучение и, отдельной статьёй, на получение докторского «градуса» были затрачены немалые средства, а в обязанности куратора входил контроль за их расходованием¹⁴⁸. Впрочем, у Адодурова могли быть и дополнительные мотивы: не исключено, что он был движим ревностью к обладателям высоких ученых степеней, которых сам не имел.

Как бы то ни было, заключение Керштенса о невозможности прийти к определенному мнению по поводу эрудиции молодых докторов на основании текстов их диссертаций и его ссылку на массовую практику их написания профессорами вряд ли следует рассматривать как отписку. Дело в том, что ни то, ни другое сочинение не содержит прямых указаний на авторство. Правда, диссертацию Зыбелина «О естественных целебных мылах, добываемых из трех царств природы, их химических различиях, происхождении, свойствах и использовании в медицине» (*De saponibus medicis nativis, ex triplici regno naturae petitis, eorumque a chemicis differentia, principiiis, indole, ac usu in medicina*)¹⁴⁹ предваряет посвящение Екатерине II, написанное от первого лица. Но является ли это достаточным основанием для определения ее авторства? На основании титульных листов обеих диссертаций (они, хоть и были напечатаны в разных типографиях, по своей композиции и формулировкам удивительно похожи) также ничего нельзя сказать об авторах. Соискатели обозначены здесь только как представившие диссертации для публичной защиты/экзамена: в одном случае – *publico examini submittit Petrus Weniaminoff, Mosqua-Russus*¹⁵⁰,

¹⁴⁸ Известно, например, что Адодуров в ордере директору Хераскову от 3 февраля 1765 года предлагал представить подробные сведения «о находящихся... в чужих краях студентах и из них произведенных докторах»: «когда и с какими науками и откуда в университет вступили, чему, будучи в университете обучались, когда ж и по каким указам и ордерам сначала отправлены и с каким жалованьем, где и чему ныне действительно обучаются, как далеко в науках пришли, по чему ныне жалования в год получают, и по которое время оное им произведено, и на получение докторских градусов, на пристойное притом платье и на другие расходы сколько им, когда и через кого имянно переведено денег из университетской суммы...» (Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 2. С. 40 (курсив мой. – Ю. З.)).

¹⁴⁹ С диссертацией можно ознакомиться здесь: <https://books.google.co.uk/books/ucm?vid=UCM5327139428&printsec=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false>.

¹⁵⁰ *Dissertatio medica inauguralis, medicum homicidam adumbrans. quam, annuente summo numine ex auctoritate magnifici rectoris, Ewaldi Hollebeek, ... nec non amplissimi senatus academici consensu, & nobilissimae facultatis medicae decreto, pro gradu doctoratus, sum-*

в другом – *Publico et solemnī examen submitit Simeon Zibelin, Moscovia-Russus*. А наличие одинаковых формулировок позволяет предположить, что к написанию диссертаций был так или иначе причастен ректор Лейденского университета, доктор теологии Эвальд Холлебеек (1719–1796): *annuente summo numine ex auctoritate magnifici rectoris, Ewaldi Hollebeek*¹⁵¹.

Что же касается устроенных Вениаминову и Зыбелину строгих экзаменов, которые, на первый взгляд, также выглядят как недоверие к авторитету одного из лучших университетов Европы того времени, то и здесь помимо ревности могли существовать и иные причины. Во всяком случае, формально эти экзамены вполне укладываются в упоминавшуюся выше практику *disputatio pro loco* – испытания при приеме новых профессоров, которая утвердилась в немецких университетах. Как мы видели на примере Лангера, такая практика стала складываться и в Московском университете: в качестве испытания им были прочитаны пробные лекции перед профессорами и студентами.

Впрочем, формальное соответствие этих проверок практике, принятой в европейских университетах, не означало, что, проводя их, Адодуров стоял исключительно на страже интересов университета. Власть его была настолько велика, а власть Конференции настолько ничтожна, что процедура *disputatio pro loco* нередко была чистой формальностью и даже не требовала чтения пробных лекций: все зависело от воли куратора.

Любопытную историю в этой связи – правда, относящуюся к несколько более позднему времени – рассказывает в своей автобиографии член общины гернгутеров (Моравских братьев) пастор Иоганн Виганд. В 1782 году по поручению общины он был направлен в Москву, чтобы попытаться получить место домового священника при университете. Не имея в городе никаких связей, он решил напрямую обратиться с просьбой о месте к куратору университета Ивану Ивановичу Мелиссино. К его удивлению, уже после первой их встречи вопрос был решен, причем самым неожиданным образом: Виганд был принят в университет экстраорди-

misque in medicina honoribus & privilegiis, rite ac legitime consequendis, publico examini submittit Petrus Weniaminoff, Mosqua-Russus. ad diem 28. Junii 1764. h.l.q.s. Lugduni Bataavorum: apud Sam. et Joh. Luchtmans, 1764.

¹⁵¹ Примечательно, что среди составителей библиотечных каталогов, как и во многих случаях такого рода, нет единого мнения об авторстве этих работ. Чаще всего, впрочем, они называют Холлебека.

нарным профессором истории. Вот, что он сам рассказывает о произошедшем после его беседы с Мелиссино:

Несколько дней спустя куратор призвал меня к себе и отправился вместе со мною в конференцию университета, пред которою мне предстояло держать экзамен. Известный профессор греческого языка Магаци предложил мне дватри вопроса, на которые я ответил удачно, и этим экзамен окончился. Когда же Мелиссино спросил, почему меня не подвергают испытанию, то профессор отвечал, что из нескольких слов видно, с кем имеешь дело. Этим вся формальность ограничилась, и я был определен в университет экстраординарным профессором¹⁵².

Disputatio pro loco, таким образом, состоялась, формальности были соблюдены.

3.4. *Postscriptum. Дополнительные пояснения к документам*

Диссертация и диспутация. Мы видели, что в письме к Миллеру от 15 июля 1764 года Адодуров спрашивает, получил ли Лангер «градус» после публикации «диссертаций и диспутаций». Конечно же, он имел в виду одно и то же, поскольку был прекрасно осведомлен, что слова *dissertatio* и *disputatio* в значении письменных текстов в европейском академическом мире употреблялись тогда как синонимы. Не совсем понятно, правда, почему он использует эти слова во множественном числе. Говорит ли это о его ожиданиях – вдруг у Лангера была не одна степень, а две или даже три? Или это просто фигура речи?

Синонимичное употребление слов «диспут», «диспутация» и «диссертация» встречаем и в других университетских документах. Например, в приведенном выше письме Бюшинга Миллеру от 21 января 1756 года, где он ссылается на опубликованный ранее «инаугурационный диспут» Дильтея и написанный им «диспут» за молодого Кевенхюллера (на титульных листах обоих сочинений, как мы видели, значится *dissertatio*). Или в выписке из протокола Конференции от 10 февраля 1767 г., составленном на латыни, где диссертации, защищенные Афониным и Карамышевым, называются *dissertatio*¹⁵³, а в сообщении о тех же

¹⁵² Русская старина. 1892. № 6. С. 561.

¹⁵³ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. С. 24.

диссертациях, составленном по-русски в университетской канцелярии, – «диспутациями»¹⁵⁴. Любопытно, что сами они в письме в Московский университет из Швеции 25 июля 1766 года также называют свои диссертации «диспутациями»¹⁵⁵.

Аттестаты Линнея. Некоторые места из приведенных выше аттестатов Линнея, выданных Афонину и Карамышеву, тоже требуют пояснений.

Линней говорит, что обе защиты проходили под его руководством (*meo sub moderamine*). То есть речь идет не о его научном руководстве диссертациями соискателей, а именно о его председательстве во время диспутов. Таким образом, из его слов можно заключить, что в обоих случаях Линней выступал в качестве *praeses*. И действительно, на титульных листах обеих диссертаций он значится именно в таком качестве¹⁵⁶. Это подтверждается также фразой из аттестата, свидетельствующей о блестящих ответах Карамышева в ходе диспута: ему «не пришлось добавить ни слова» (как мы знаем, *praesides* часто помогали кандидатам в ходе защиты).

В связи с тем, что нам известно об авторстве диссертаций раннего Нового времени, уместно спросить: а не были ли диссертации Афонина и Карамышева написаны самим Линнеем? Такой вопрос вполне оправдан еще и потому, что, по имеющимся данным, профессор Линней так или иначе приложил руку ко многим диссертациям. Считается, что еще в молодости за один день он написал магистерскую диссертацию для сына одного из профессоров университета Упсалы, получив за свой труд 30 медных талеров¹⁵⁷. А став профессором, по воспоминаниям одного из его учеников, диктовал диссертации соискателям по-шведски или по-латыни, после чего те занимались доработкой текста и окончательной правкой стиля¹⁵⁸. Однако в случае с Афониним и Карамышевым его уча-

¹⁵⁴ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. С. 25.

¹⁵⁵ Пенчко Н.А. Выдающиеся воспитанники Московского университета в иностранных университетах (1758–1771 гг.) // Исторический архив. 1956. № 2. С. 175.

¹⁵⁶ Карамышев: *Necessitatem promovendae historiae naturalis in Rossia* <<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k98472q/f2.image.zoom>; Афонин: *Usum historiae naturalis in vita communi* – https://books.google.co.uk/books?id=xIMZAAAAYAAJ&printsec=frontcover&dq=related:HARVARD32044106473937&lr=&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.

¹⁵⁷ См.: Бобров Е.Г. Карл Линней. 1707–1778. Л.: Наука, 1970. С. 28.

¹⁵⁸ См.: Боркин Л.Я. Карл Линней (1707–1778) как зоолог // Труды Зоологического института РАН. 2009. Т. 313, прил. 1. С. 33.

стие в написании диссертаций было, по-видимому, все же минимальным: на их титульных листах русские студенты значатся не только как соискатели, но и как авторы: *auctor et respondens*¹⁵⁹.

Вот таким получился ответ на поставленный в названии этой работы вопрос – длинным, со множеством отступлений и пояснений. В целом он утвердительный, но все же далеко не однозначный. Впрочем, главный результат, по-видимому, состоит не в нем самом, а в том, что его поиски позволили лучше понять, что представлял собой ученый «градус» в XVIII веке и чем он отличался от сегодняшней ученой степени.

¹⁵⁹ Это обстоятельство, впрочем, не мешает некоторым составителям библиотечных каталогов указывать в качестве автора обеих диссертаций Линнея. О проблематичности авторства диссертаций, защищенных под руководством Линнея, см.: *Боркин Л.Я.* Карл Линней (1707–1778) как зоолог. С. 33 и прим. 40.

Препринт WP19/2015/01
Серия WP19
Исторические исследования

Зарецкий Юрий Петрович

Можно ли было купить «градус» доктора в XVIII веке?

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3,8
Усл. печ. л. 3,72. Заказ № . Изд. № 1955

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»